

Филология и Лингвистика

международный научный журнал

personoj mennesker
personas emberek njerëz
מטנען Leute
human populus
люди ἄνθρωποι लोग
cilvēki mensen άνθρωποι
ludzie människor ljudje wong
ადამიანი
lidé persones jende
ljudi fólk
orang-orang

ISSN 2412-4028

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 3 (09) / 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук*

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.01.2019. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ. Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*
Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*
Федорова Мария Сергеевна, *кандидат архитектуры (Россия)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*
Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабарико К.Б.
Знакомство мира с современным китайским писателем Чжан Сяньляном 1
- Гусев В.Г.
Сюжет и композиция романа «Братья Карамазовы»: система двойничества, полифоничность диалогов героев 4
- Надирова Ж.К.
Лингвостилистические средства выражения трагического мироощущения в лирике Георгия Иванова на примере стихотворений из цикла «Дневник» 9

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Садокова А.Р.
Новогодний праздник Сагитё и японская фольклорная традиция 12

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Aslanova K. I.
The role of synthetic and analytic in modern English 15
- Ахметзянова Ф.И.
Использование идиом в обучении английскому языку в средней школе 17
- Казымова Л.А.
Язык и культура: к вопросу о специфике лингвокультурологии 19
- Карпова С.Е., Васильева Е.Н.
Внутренняя форма слова — мотивирующий признак наименования 22
- Куликовская Е.Н.
Основные аспекты лингвориторического анализа эзотерического дискурса (на материале эссеистики Е. В. Головина) 24
- Лядашева Е.Д.
Экономический текст как особый тип текста 29
- Топорков П.Е.
Лексическая коннотация в русских народных говорах 30
- Топорков П.Е.
Лексическая коннотация в общем жаргоне 32
- Топорков П.Е.
Коннотация числовых обозначений в нелитературных формах русского языка 34
- Топорков П.Е.
Коннотация количественных обозначений в народных говорах русского языка 35
- Топорков П.Е.
Синтаксические маркеры коннотаций 37

Хайдаров И.О., Гозиева Н.Р. Психолингвистическая основа интенсификации обучения иностранному языку в нелингвистических учреждениях	38
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Баренкова Е.А. Лингвистические аспекты построения общения с респондентами (на примере анкет, разработанных ГКУ РМ «НЦСЭМ» для проведения социологических опросов в 2018 г.) ..	41
Куликова Н.Р. Репрезентация квантовой физики в российском сегменте интернета	43
Токарь О.В. Актуальность изучения прецедентного текста в белорусской периодике	45
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Борщевский И.С. Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода	48
Imamaliyeva G.U., Yakubova N.I., Shoyimova K.U. Expressive-visual language tools	52

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Знакомство мира с современным китайским писателем Чжан Сяньляном

Бабарико Кирилл Борисович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье предпринимается попытка на основе анализа доступных баз данных выявить все переводы произведений современного китайского писателя Чжан Сяньляна (1936–2014) на иностранные языки и выяснить, насколько полно современный мир знаком с его творческим наследием.

Ключевые слова: Китай, китайская литература, Чжан Сяньлян

Чжан Сяньлян — один из крупнейших мастеров современной китайской прозы, его имя стоит в одном ряду с такими классиками современной китайской литературы, как Ван Мэн, Фэн Цзицай и Цзя Пинва. Этих писателей А. А. Родионов в статье «О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР» упоминает в первой тройке среди самых переводимых китайских писателей в России [1, с. 138].

Чжан Сяньляном написаны «пять романов, восемь повестей, более десяти рассказов, десятки очерков, среди которых книга в жанре «политических заметок» [2, с. 6]. Жанровое и тематическое разнообразие произведений, глубокий психологизм, высокий художественный уровень произведений, максимально полное отображение исторических реалий в произведениях — все эти черты отличают творчество писателя. Поэтому неудивительным представляется тот факт, что поток произведений писателя хлынул в зарубежные страны.

Нам стало интересно выявить все переводы произведений Чжан Сяньляна на иностранные языки. В итоге это позволило выяснить, насколько полно современный мир знаком с китайским писателем Чжан Сяньляном и его творческим наследием.

Согласно доступным базам данных, произведения писателя переведены на 18 европейских и восточных языков, как-то: английский, боснийский, вьетнамский, датский, иврит, индонезийский, испанский, итальянский, корейский, немецкий, нидерландский, польский, португальский, русский, сингалльский, французский, шведский, японский. При этом насчитывается всего 110 основных изданий произведений писателя, которые распределяются по языкам следующим образом: английский язык — 50 изданий, французский — 10, нидерландский — 7, русский — 7, вьетнамский — 6, немецкий — 6, итальянский — 5, испанский — 3, корейский — 3, датский — 2, иврит — 2, польский — 2, португальский — 1, шведский — 2, боснийский — 1, индонезийский — 1, сингалльский — 1, японский — 1.

Как видно из приведенной статистики, на большинство языков переведено всего лишь несколько произведений писателя, да и то только самых известных (в основном повестей «Мимоза», «Половинка мужчины-женщина» и романа «Привыкая умирать» — примечание Б. К.). На вьетнамском, немецком и французском языке наблюдается большее количество изданий, но это, по большей части, переиздания упомянутых ранее произведений. Отдельно стоит охарактеризовать издания на английском, русском и нидерландском языке.

Говоря об английских изданиях, стоит выделить ряд черт. Во-первых, на английском языке насчитывается больше всего изданий произведений писателя — около 50 штук. Во-вторых, английский язык отличается не только количеством, но и полнотой переведенных произведений писателя. На английский язык переведена большая часть произведений писателя (8 из 10, в том числе крупнейшие повести и романы писателя). В-третьих, стоит отметить также «оперативность» переводов произведений Чжан Сяньляна на английский язык. Можно сказать, что произведения Чжан Сяньляна переводились «по горячим следам», ибо разница между изданием произведения в Китае и в Великобритании (или США) не более двух лет. Это стало возможным во многом благодаря деятельности Марты Эвери, которая является основным переводчиком крупных произведений Чжан Сяньляна на английский язык. Как пишет О. П. Родионова: «Личные беседы переводчицы с Чжан Сяньляном обеспечили не только высокое качество переводов, но и снабдили книги ценными комментариями и достаточно подробной общей информацией о писателе в предисловиях» [2, с. 8]. В-четвертых, стоит отметить, что на английском языке имеются и отдельные издания избранных произведений Чжан Сяньляна, такие как: «Mimosa and other stories» и «Mimosa and other selected writings».

Российские издания произведений Чжан Сяньляна также заслуживают отдельного упоминания. Во-первых,

на русский язык, как и в случае с английским, также переведено 8 из 10 произведений писателя, что является самым большим показателем среди всех языков. Во-вторых, только на русском языке присутствуют переводы двух рассказов писателя-«Первый поцелуй» и «Храм Пусяньсы». В-третьих, именно на русском языке издан один из самых полных сборников произведений писателя «Чжан Сяньлян. Избранные произведения» (2014), в котором содержится большинство произведений Чжан Сяньляна, переведенных на западные языки. В частности, именно в этом сборнике впервые представлен полный перевод цикла «Откровения материалиста».

Говоря о нидерландских изданиях произведений писателя, стоит упомянуть несколько фактов. Во-первых, набор переведенных произведений писателя больше, чем на остальных языках (*3 повести и 1 роман*-примечания Б. К.). Во-вторых, все эти переводы выполнены одним человеком-датским профессором Ринт Сибесмой, который также является автором нескольких статей, посвященных творчеству Чжан Сяньляна.

Согласно собранным данным, на иностранные языки переведены 10 произведений писателя, а именно: рассказы «Душа и плоть», «История про старика Сина и его собаку», «Горький родник», «Первый поцелуй», «Храм Пусяньсы», повести «Любовь за решеткой», «Мимоза» и «Половинка мужчины-женщина», а также романы «Привыкая умирать» и «Мое древо прозрения». Остановимся подробнее на характеристике изданий самых важных произведений писателя.

Согласно собранным данным, насчитывается 9 изданий рассказа «Душа и плоть», выполненных на английском, французском и русском языках. Рассказ «История про старика Сина и его собаку» был издан 9 раз на английском, русском и шведском языках. Эти психологически тонкие ранние рассказы писателя, один из которых (*Душа и плоть*-примечание Б. К.) стал лауреатом Всекитайской литературной премии, почти всегда фигурируют среди лучших рассказов современной китайской литературы и обычно издаются в сборниках, знакомящих западную аудиторию с лучшими произведениями современной китайской литературы.

Рассказ Чжан Сяньляна «Горький родник» насчитывает 16 изданий на русском и английском языках. Причина столь большой популярности этого рассказа, как нам кажется, кроется в том, что это произведение имело большой успех в Китае и принесло его автору вторую всекитайскую премию за рассказы в 1983 г., что и послужило причиной включения «Горького родника» в сборники избранных произведений китайской литературы и сборники избранных произведений Чжан Сяньляна, изданных в США и России.

Наибольшей популярностью у читателей пользуются две повести Чжан Сяньляна, входящие в цикл «Откровения материалиста»: «Мимоза» и «Половинка мужчины-женщина». Насчитывается 22 издания «Мимозы» на английском, французском, русском, польском, японском, нидерландском и немецком, корейском и вьетнамском языках. Эта повесть имела оглушительный успех в Китае и получила самые высокие оценки у ки-

тайских критиков. Она была отмечена всекитайской премией за лучшие повести 1983–1984 гг., что, как нам кажется, и предопределило большое число ее переводов и изданий. Но, безусловно, самым известным и издаваемым произведением писателя, благодаря которому, можно сказать, он и известен во всем мире является повесть «Половинка мужчины-женщина». Эта повесть насчитывает 35 изданий на 14 языках, то есть, переведена почти на все упомянутые нами языки. Причем из этих 35 изданий большая часть-отдельные сборники, изданные большим тиражом, что говорит о популярности этой повести у западных читателей. Это и неудивительно, учитывая какие споры она вызвала в китайском обществе. Можно также сказать, что исследования творчества Чжан Сяньляна за рубежом базируются в основном на этих двух произведениях писателя.

Следующим важным произведением Чжан Сяньляна, переведенным на иностранные языки, является роман «Привыкая умирать». По нашим данным, насчитывается 13 изданий этого произведения на английском, немецком, нидерландском, датском, корейском, иврите, португальском, французском и испанском языках. Как видно, с этим романом может познакомиться большое количество зарубежных читателей. Нам кажется, что причина столь большой популярности, изданного как раз накануне Тяньаньмэньских событий 1989 года, заключается в том, что в этом романе Чжан Сяньлян критикует существующую политическую систему, место человека в ней, прошлое Китая (*главным образом эпоху Мао Цзэдуна*-примечание К. Б.). Учитывая, что после событий 1989 года наблюдалось обострение отношений КНР с западным миром, а также массовая эмиграция интеллигенции из Китая, то этот роман, возможно, был использован западными странами как средство демонстрации плохого состояния прав и свобод человека в Китае. Именно на период после Тяньаньмэньских событий относится пик популярности Чжан Сяньляна за рубежом, в то время как в Китае обсуждение его творчества стало сходиться на нет. И роман «Привыкая умирать» остался незамеченным китайской публикой.

Следующим важным произведением писателя, изданным на Западе, является роман-диалогия «Мое древо прозрения». Можно насчитать 14 изданий на английском, нидерландском, итальянском и польском языках. Причины перевода именно этого романа, как нам кажется, те же, что и у романа «Привыкая умирать», учитывая, что в Китае он так и не получил должной оценки, которую ожидал писатель.

Доступные нам базы данных по произведениям Чжан Сяньляна, изданными за рубежом, позволяют выделить три этапа: 1982–1984 гг, 1985–1996 гг, 1997-н. в.

Период с 1982 по 1984 годы можно назвать временем начала знакомства зарубежной аудитории с творчеством Чжан Сяньляна. В этот период мы можем наблюдать небольшое издание произведений писателя. Это связано с тем, что писатель только начинал свой профессиональный творческий путь и не был хорошо известен за пределами Китая. Поэтому основными переводами

этого периода являются в основном рассказы писателя, переведенные китайскими переводчиками и изданные в рамках сборников современной китайской литературы, прежде всего, на английском языке.

Период с 1985 по 1996 гг. можно назвать пиком популярности писателя за рубежом, так как на этот время приходится издания произведений писателя сразу на многих иностранных языках. Думается, что это связано с несколькими причинами. Во-первых, именно в этот период Чжан Сяньляном были написаны и изданы основные произведения, принесшие писателю известность в Китае (*в это период он входил в десятку самых популярных китайских писателей*-примечание К. Б.). Это повлекло за собой рост интереса к его фигуре за пределами КНР. Во-вторых, с середины 1980-ых гг. Чжан Сяньлян стал часто выезжать за границу, что также способствовало значительному росту его популярности. В-третьих, на популярность Чжан Сяньляна за рубежом мог повлиять тот факт, что в КНР в то время наблюдается некоторое забвение и угасание творчества писателя. Как пишет исследователь творчества Чжан Сяньляна О. П. Родионова: «Возрастающая популярность писателя за рубежом во второй половине 1980-х гг. стала для Чжан Сяньляна своеобразной компенсацией за угасание ажиотажа вокруг его имени в КНР» [2, с. 205]. Скорее всего, на рост популярности Чжан Сяньляна за рубежом повлиял и тот факт, что после событий 1989 г. Чжан Сяньлян воспринимался в Китае как «опальный писатель», чье творчество особо не афишировалось.

И, наконец, с 1997 г. мы можем наблюдать постепенный спад интереса к творчеству Чжан Сяньляна за рубежом. Это очевидно проявляется с началом 21 века, когда в мире вышло всего лишь 11 изданий произведений писателя. Это связано с конкуренцией со стороны молодых писателей и с появлением нового литературного поколения в КНР, а также с почти десятилетним перерывом в творчестве Чжан Сяньляна. Все это привело к тому, что в этот период произведения писателя в основном переиздаются, да и то редко. Приведенные выше

мысли подтверждаются статистикой изданий работ писателя за рубежом: 1982 г. — 1, 1983 г. — 6, 1984 г. — 2, 1985 г. — 5, 1986 г. — 3, 1987 г. — 7, 1988 г. — 10, 1989 г. — 10, 1990 г. — 10, 1991 г. — 9, 1992 г. — 4, 1993 г. — 6, 1994 г. — 5, 1995 г. — 8, 1996 г. — 4, 1997 г. — 2, 1998 г. — 2, 1999 г. — 2, 2002 г. — 1, 2004 г. — 5, 2005 г. — 1, 2006 г. — 1, 2009 г. — 1, 2013 г. — 1, 2014 г. — 2.

В целом, зарубежный мир знаком с творчеством этого выдающегося современного китайского писателя, так как его произведения переведены на 18 основных европейских и восточных языков. Но это знакомство является лишь поверхностным и фрагментарным. Для этого есть несколько причин. Во-первых, большинство переведенных произведений писателя относятся к лагерной теме творчества писателя, либо же это произведения, имевшие широкий успех в Китае и получившие Всекитайские премии.

Во-вторых, на иностранные языки до сих пор не переведены многие произведения, раскрывающие совершенно другие грани творческой природы писателя: ранние поэтические произведения, повести и романы, посвященные «меняющейся действительности» и «эпохе реформ в КНР», роман «Доброе утро, друг!», повесть «Период созревания», произведения «очерковой прозы» писателя, последний роман Чжан Сяньляна «160 миллионов».

В-третьих, на многих языках насчитывается всего лишь 1–2 издания самых культовых произведений писателя, что может говорить о том, что читатели многих стран не знакомы с творчеством Чжан Сяньляна.

В-четвертых, общая динамика изданий произведений Чжан Сяньляна говорит нам о том, что сейчас наблюдается угасание интереса к его творчеству. Сейчас можно утверждать, что пик всеобщей популярности писателя за рубежом (1985–1996 годы) уже прошел.

Мы надеемся, что собранный нами фактологический материал послужит опорой для сравнительного анализа в других исследованиях, связанных с современной китайской литературой.

Литература:

1. Родионов, А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР // Вестник СПбГУ, 2010. — сер. 13, вып. 2. — с. 137–149.
2. Родионова, О. П. В погоне за мудростью: жизнь и творчество Чжан Сяньляна. — СПб.: Роза мира, 2006. — 289 с.
3. Zhang Xianliang (1936-). URL: <http://www.worldcat.org/identities/lccn-n82135800> (Дата обращения: 04.11.2018)

Сюжет и композиция романа «Братья Карамазовы»: система двойничества, полифоничность диалогов героев

Гусев Виктор Геннадьевич, учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории
МКОУ Верх-Каргатская СОШ Здвинского района Новосибирской области

За почти два столетия роман Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы» изучен достаточно основательно. Библиографический список работ, посвященных роману, насчитывает 433 научные работы, так или иначе связанных с произведением Достоевского [33].

Критика неоднозначно отнеслась к произведению, увидев в нем «проявление жестокого таланта» [34]. М. А. Антонович в своей статье «Мистико-аскетический роман» увидел в религиозном трактате Достоевского отход от гуманизма, духовной свободы гражданина: по взгляду Антоновича, и Инквизитор, и Зосима достаточно много говорят о порабощении воли.

В начале XX века В. Розанов посвятил роману работу «Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» (1891). В данной работе автор уделяет внимание больше мистическому и символическому аспектам, что приводит к разобщению идеи Достоевского с идеей Розанова. Также философы и критики 20 века — Д. Мережковский, Вяч. Иванов, С. Гессен, Н. Бердяев — трактовали роман как способ «бытия человека в Боге» и «Бога в человеке».

В 1920–1940-х гг. ряд литературоведов исследуют роман, его историю и поэтику (Долинин А., Гроссман Л., Мочульский К., Бахтин М.).

На начальном (добахтинском) этапе изучения творчества Достоевского исследователей интересовал не столько эстетический, сколько этический и философский аспекты его произведений.

В работе Н. Бердяева «Мировоззрение Достоевского» автор уделяет особое внимание свободе человека: «Тема о человеке и его судьбе для Достоевского есть прежде всего — тема о свободе. Судьба человека, его страдальческие странствия определяются его свободой.<...> Существует две свободы: первая — изначальная свобода и последняя — конечная свобода. Между этими двумя свободами лежит путь человека, полный мук и страданий, путь раздвоения» [7]. По мнению философа, первая свобода выбирается для «добра», она «связана с возможностью греха», вторая, конечная свобода, «в Боге, в добре». Из этого можно сделать вывод, что свобода первая, изначальная, есть для Алеши выбор между грехом и верой, истиной и ложью. Это же выбирает Илюша: грех, совершенный Илюшей, искупается верой в отца, его поступками, служением для будущей гармонии. Путь Илюши проходит через тьму, бездну, нищету, через «раздвоение».

Тем самым, Бердяев указывает на сознательный выбор Достоевским особого пути Алеши и Илюши, который, в конечном итоге, приведет обоих к Богу.

В работе С. Франка «Достоевский и кризис гуманизма» автор рассматривает мотивы гуманизма, от-

личительные особенности героев и феномен их реалий в романе. По мнению Франка, «<...> Достоевскому в сущности впервые удался настоящий подлинный гуманизм — просто потому, что это есть христианский гуманизм, который во всяком, даже падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий» [35].

Поворотной работой в исследовании творчества Достоевского стало исследование М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского».

М. М. Бахтин в своей работе рассматривает «новый тип художественного мышления — полифонический», который нашел свое выражение в романах Достоевского. Бахтин считает, что «Достоевский создал как бы новую художественную модель мира, в которой многие из основных моментов старой художественной формы подверглись коренному преобразованию» [36].

В своей работе Бахтин исследует пародирование как карнавальное мироощущение, «мир наизнанку» [147]. По мнению Бахтина, «пародирующие двойники стали довольно частым явлением и карнавализованной литературы. Особенно ярко это выражено у Достоевского, — почти каждый из ведущих героев его романов имеет по нескольку двойников, по-разному его пародирующих: для Раскольникова — Свидригайлов, Лужин, Лебезятников, для Ставрогина — Петр Верховенский, Шатов, Кириллов, для Ивана Карамазова — Смердяков, черт, Ракитин. В каждом из них (то есть из двойников) герой умирает (то есть отрицается), чтобы обновиться (то есть очиститься и подняться над самим собою)» [147].

Также Бахтин рассматривает проблему слова в произведениях Достоевского. В частности, «в «Братьях Карамазовых» появляется новый момент в построении монологической речи героя», «двойные мысли: одна мысль — явная, определяющая содержание речи, другая — скрытая, но тем не менее определяющая построение речи, бросающая на него свою тень» [288]. В дальнейшем Бахтин делает вывод, что монологический голос Ивана Карамазова, «диалог с самим собой», находит отражение в теории Смердякова, «который угадывает, точнее, отчетливо слышит вторую реплику этого диалога, но он понимает заключенную в ней лазейку посвоему» [302].

Таким образом, Михаил Михайлович Бахтин в своей работе положил начало новой теории поэтики романов Достоевского, обосновал полифонический тип художественного мышления, конструктивно и понятно доказал систему диалогов героев романов Достоевского и совершенно по-новому проанализировал систему двойников в произведениях Федора Михайловича.

Интересной и новаторской работой можно считать исследование профессора Колумбийского университета (США) Роберта Бэлнепа «Структура «Братьев Кара-

мазовых» (1967). Данная работа выполнена в рамках структуралистского подхода, все элементы которого образуют особую структуру — системную.

Бэлнеп выделяет в романе «Братья Карамазовы» исходную повествовательную единицу — анекдот, определяя его как «простейшую единицу в романе». Также Бэлнеп уделяет большое внимание системе двойников в романе, указывая на «скрытых»: Алеша-мать Алеши, Федор Павлович-Максимов, Алеша-Илюша. По мнению Бэлнепа, Достоевский выводит читателя на «скрытых» двойников через ассоциации: «Знаешь ли ты, — стал он часто говорить Алеше, приглядываясь к нему, — что ты на нее похож, на кликушу-то?» Так называл он свою покойную жену, мать Алеши». Позднее читатель сможет сам увидеть эту аналогию. Федор Павлович рассказывает, как он плюнул на икону, чтобы оскорбить религиозное чувство своей жены, а она только вскопчила, всплеснула руками, потом вдруг закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на пол...С Алешей вдруг произошло нечто очень странное, а именно с ним вдруг повторилось точь-в-точь то же самое, что сейчас только он рассказал про «кликушу» [37].

По мнению Бэлнепа, в романе многие персонажи формируют причинно-следственную модель. Остановимся на этом подробнее: «Отростки разветвленной структуры выходят из неведомого прошлого и уходят в неизвестность будущего, тогда как цепочка должна иметь начало и конец, чтобы читатель не остался с вопросами «откуда?» или «что дальше?». Рассмотрим всего одно событие: «<...> Он <...> кинулся сам на Алешу, и не успел тот шевельнуться, как злой (*курсив наш.* — В. Г.) мальчишка, нагнув голову и схватив обеими руками его левую руку, больно укусил ему средний палец». (14, 163). Это событие интересно тем, что ни читатель, ни Алеша в это время не знают его причин; только позже причины и следствия выстраиваются в две цепочки подробно восстановленных событий» [87–88].

Итак, мы видим, что событие имело причину, но автор не дает нам готовых причин. «Злой» Илюша оказывается «ангелом», а Алеша — его «духовником». Не знаем мы и путь «зла» Илюши до тех пор, пока не расскажет об этом сам Митя, штабс-капитан Снегирев и Катерина Ивановна — каждый по-своему будет интерпретировать. Следуя логике Бэлнепа, мы узнаем, что заранее Достоевский не указывает на причины, а ведет читателя от конца к началу, тем самым структурально образывая сюжетные линии романа.

Особое место в литературоведении занимает работа В. Е. Ветловской «Поэтика романа «Братья Карамазовы» [28]. Исследователь в своей монографии уделяет особое внимание на авторитетность вымышленного рассказчика, считает, что «прием введения вымышленного рассказчика не является изобретением Достоевского и использовался разными авторами и в различных жанрах, <...> введение вымышленного рассказчика служит прежде всего впечатлению достоверности рассказа» [13].

Ветловская, как и Бахтин, уделяет внимание полифонической структуре художественного мышления, но

останавливается конкретнее на характерах говорящих, считая, что «характер обнаруживается в словах, внутренних движениях, поступках героя, а также в свидетельствах о нем других. Из всех качеств, которыми в художественном произведении наделен герой, следует выделить нравственные качества: обычную правдивость или, напротив, неискренность героя; доброту и бескорыстность или, напротив, злость и бесчестность» [70]. Из этого следует, что двойниками в романе становятся не только по поступкам, но и по нравственным качествам: мы видим, что правдивы и вежливы Алеша и Зосима, доброта присуща Дмитрию, Алеше, Зосиме; лгут, как правило, Федор Павлович и Смердяков, Иван и Коля Красоткин. Также можно увидеть, что Илюша является двойником Алеши по нравственным качествам, которые у него проявились после знакомства с Алешей.

Таким образом, двойниками, по мнению Ветловской, являются также Иван и Коля Красоткин по «характерам, некоторым поступкам и мнениям» [87].

Двойничество Алеши и Илюши в работе Ветловской доказывается любовью и преданностью своим близким: «Илюша Снегирев любит свою слабоумную мать и жалкого, беспутного отца. <...> Но Федора Павловича, несмотря на все его безобразие, любит Алеша» [112].

Итак, в работе Ветловской «Поэтика романа «Братья Карамазовы» максимально подробно и точно исследуется система двойничества в романе, анализируется мотивная структура романа, его сюжет и композиция.

Особое христианское сознание, религиозный идеал героев романа «Братья Карамазовы» рассматривается в статье А. Галкина «Пространство и время в произведениях Достоевского» [38]. По мнению автора, «религиозный идеал — образ — Христа — обуславливает концепцию пространства и времени в произведениях Достоевского. Идеал Христа представляется верующему как образец, а жизнь есть *отступление* от идеала и возвращение к нему (*курсив автора*)». Таким образом, Алешино «хождение» к семье есть не что иное, как «сюжет христианского сознания: падение — возрождение — и воскресение <...> зримо действуют в произведениях писателя: герои то приближаются, то отступают, отпадают от идеала. Чем ярче на героя Достоевского падает отраженный свет идеала, тем лучезарнее этот герой, тем он нравственнее» [38, с. 6].

Еще в одной работе, посвященной роману «Братья Карамазовы», исследуется проблема всеобщей гармонии и построения «вечного царства» по типу «инквизиторского». По мнению О. Сухих, «одним из неизбежных последствий реализации идеи Великого инквизитора является определенный социальный проект: «миллионы существ», которые слабы, заурядны, не способные на великое, — и «сотня тысяч управляющих ими», сильных и способных взять на себя «проклятие познания добра и зла» [39]. То есть, идея Ивана о создании государства по типу «Великого инквизитора» амбивалентна идее о создании всеобщей гармонии Алеши Карамазова.

В статье В. Сердюченко «Футурология Достоевского и Чернышевского» [40] затрагивается тема «юродивости» и «чудачества» героев Достоевского.

По мнению автора, «князь Мышкин у Достоевского «идиот», Соня Мармеладова и Лизавета — «юродивые», Макар Долгорукий, Алеша Карамазов, Зосима, Маркел — «блаженные, но именно в них реализован нравственный идеал писателя». «Идиоты» и «идеалы» у Достоевского отнюдь не противопоставлены друг другу. «Идиотская» правда Мышкина представляется таковой лишь его прагматическому окружению. «Чудаки», «блаженные», «юродивые», «отверженные», «нищие духом» на страницах Достоевского не исключение, но определенный и беспрерывно воспроизводимый архетип человеческого сознания/поведения как поведение внутренне чуждого и по своей этической сущности бесконечно превосходящего общепринятый кодекс нравственных норм.

Таким образом, архетип «божьего человека» в романе представлен двумя героями — Алешей и Илюшей, — которые, в свою очередь, получили его в «наследство» от Зосимы и Маркела.

Особо нужно остановиться на работах литературоведов, в которых уделяется внимание антропонимии, функциональным особенностям поведения героев в романе, системе фамилий и имён.

В работе Т.А. Бондаренко «Антропонимия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции» [41] автор анализирует системные отношения, в которые вступают антропонимические единицы исследуемого романа. По мнению исследователя, «основной функцией антропонимов в романе является номинативная, или номинативно-дифференцирующая — её выполняют антропонимы исследуемого романа. Имена персонажей романа «Братья Карамазовы» выполняют номинативную функцию, называя героя, отражая окружающий его мир и сообщая о признаках, свойствах персонажа-носителя имени, социальной принадлежности персонажей» [41, с. 19].

По мнению Бондаренко, Достоевский «репрезентирует редкие в миру канонические крестильные именованья при воплощении образов героев монастыря» [41, с. 11] (на этом мы подробнее остановимся во второй главе нашей работы. — В. Г.).

Таким образом, автор особое внимание уделяет функции имен, фамилий и их роли в композиционной целостности романа: антропонимы влияют на сюжет произведения, их функция сведена автором не только к фоновой роли, но и они влияют на смысл, понимание поступков героев, их происхождения, на мысли и полифоничность в диалогах.

В статье Е. И. Кийко «Из истории создания «Братьев Карамазовых» [42] автор дает подробный анализ происхождения образов Ивана Карамазова и Смердякова. По мнению Кийко, «образ Смердякова был создан Достоевским под влиянием литературных и житейских ассоциаций. Введение же этого персонажа в структуру «Братьев Карамазовых» имело внутренние причины, обусловленные логикой развития первоначального замысла. Задумывая Ивана Карамазова, Достоевский продолжал сложившуюся уже в его творчестве традицию изображения героя-атеиста. Образ Ивана ге-

нетически связан с Раскольниковым и отчасти со Ставрогинным, что нашло отражение в деталях сюжета романа» [42, с. 129].

Действительно, если проследить развитие многих персонажей романов Достоевского, то можно с убедительностью сказать, что в романе Достоевского «Братья Карамазовы» герои предыдущих произведений закончили своё развитие и «выросли»: Раскольников-Ставрогин-Иван, Мышкин-Алеша, Настасья Филипповна-Грушенька.

Очень много Достоевский уделяет внимания юрости, «блаженности» героев. Его юродивые — это не только добрые и святые люди. Юродивые могут быть и подлыми, и скрытыми персонажами: Лиза Хохлакова, Смердяков, Федор Павлович Карамазов.

Образ Федора Павловича изучил Р. Джексон в своей работе «Вынесение приговора Федору Павловичу Карамазову». [43] Автор считает, что «тема Федора Павловича Карамазова — это тема «профанации», тема нравственного и эстетического безобразия, отсутствия «внутренней сдерживающей нормы». Эта тема находит отражение уже в самой внешности Федора Павловича, которую особо отмечает Дмитрий: «...мне не нравилась его наружность, что-то бесчестное, похвальба и попираание всякой святости, насмешка и безверие, гадко, гадко» [14, 417]; реакция Дмитрия прямолинейна: «Зачем живет такой человек! <...> нет, скажите мне, можно ли еще позволить ему бесчестить собою землю» [14,69].

Тему исповеди изучила в своей работе «Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» [44] О.С. Соина. Автор считает, что «сложность психологической ситуации, в которой находятся оба участника исповедального диалога, приоткрывает всю глубину морально-этической проблематики, волновавшей Достоевского в связи со всегда актуальной для него темой вины и наказания человека. Исповедь грешника перед человеком, по своей нравственной природе близким и даже родным исповедующемуся, вызвана не только его потребностью снять с себя бремя греха или преступления, искупив признанием хотя бы малую часть своей вины, но и страстным желанием обрести с принимающим исповедь некий особый союз, существующий вне обычных человеческих взаимосвязей» [44, с. 129].

Действительно, при исповеди «горячего сердца» звучит «горячая» просьба Дмитрия к Алеше: «Слушай: если два существа вдруг отрываются от всего земного и летят в необычайное, или по крайней мере один из них, и перед тем, улетаая или погибая, приходит к другому и говорит: сделай мне то и то, такое, о чем никогда никого не просят, о чем можно просить лишь на смертном одре, — то неужели же не исполнит...если друг, если брат?» (14,97).

В статье В.В. Савельевой «Поэтические мотивы в романе «Братья Карамазовы» [45] автор уделяет внимание звездной теме «<...> не как темной и враждебной стихии, а как пути приобщения человека к тайне мироздания» [45, с. 125]. «Небесный купол, полный тихих

сияющих звезд» широко и необозримо опрокинулся перед Алешей, оставившим келью, где стоит гроб Зосимы. В эту «свежую и тихую» ночь Алеша переживает ощущение единения с «мирами иными» через эти звезды, «которые сияли ему из бездны». Он чувствует, как «тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною» (14, 328).

Внутренне состояние героев передается Достоевским через ряд образов, через исповедальные речи, через поступки и идеи. И часто данное состояние сходно с картинами, которые представляет герой либо наяву, либо во сне. «Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю <...> Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» (14, 328).

Мотивы сна, дороги в романе Достоевского служат символами, «маяками» будущих событий в жизни героев. Так Савельева считает, что «именно поэтическая образность может служить ключом к символическому смыслу сна Грушеньки в Мокром» [45, с. 129]. Она «вдруг как бы заснула на одну минуту». «Я спала и сон видела: будто я еду, по снегу...колокольчик звенит, а я дремлю. С милым человеком, с тобой еду будто. И далеко-далеко...Обнимала-целовала тебя, прижимаюсь к тебе, холодно будто мне, а снег-то блестит...Знаешь,

коли ночью снег блестит, а месяц глядит, и точно я где-то не на земле» (14, 398–399).

Действительно, можно с убедительностью сказать, что сон Грушеньки является пророческим, потому что «это греза примиренной и просветленной души героини, которой даровано желаемое: близость любимого человека и холодная ослепительная чистота от соприкосновения с миром горним» [45, с. 129–130].

Савельева также считает, что «дорога — центральный образ и в картине сна Дмитрия Карамазова» [45, с. 131]. «Финал сна символизирует прозрение Дмитрия Карамазова: ему открывается «путь» «к какому-то свету», и «хочется ему жить и жить, идти и идти в какой-то путь, к новому зовущему свету» (14, 457).

Мотив дороги в сне Дмитрия Карамазова связан с мотивом света. Соединение этих мотивов традиционно и восходит к такому типу символика, которую Гегель определил как «бессознательная символика» [45, с. 131–132].

Таким образом, все работы, проанализированные нами, в достаточном объеме представляют собой систему, в которой авторы уделяют внимание трем аспектам в романе «Братья Карамазовы»: системе двойников, плюсной композиции, полифоничности диалогов героев и различным мотивам: сна, дороги, света; исповедальности как основе композиционного деления системы персонажей в романе.

Литература:

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. — Л.: Наука, 1974
2. Бабович, М. Поэма «Великий инквизитор» // Рус. лит. 1984. № 2. с. 74–93.
3. Белов, С. Еще одна версия о продолжении «Братьев Карамазовых» // Вопр. лит. 1971. № 10. с. 254–255.
4. Бэлнеп, Р.Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997
5. Белов, С. В. Ф. М. Достоевский и оптинский старец Амвросий // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2004. с. 269–278
6. Беляев, В. В. Антиномия живого и мертвого в «Братьях Карамазовых» Достоевского и образ Павла Смердякова // Достоевский и современность. Новгород, 1994. с. 42–49
7. Бердяев, Н. О русских классиках // Мировоззрение Достоевского. М.: Высшая школа, 1993. с. 136–137
8. Берковский, Н. О «Братьях Карамазовых» // Вопр. лит. 1981. № 3. с. 197–213. То же // Берковский Н. Я. О русской литературе. Л., 1985.
9. Билинкис, Я. С. Братья Карамазовы на экране и Достоевский сегодня // Билинкис Я. С. Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. Л., 1974
10. Богданов, В.Л. О сюжетно-композиционной структуре «Братьев Карамазовых» // Писатель и жизнь: Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. М., 1981
11. Бюград, Г.Л. Предание семьи А. С. Пушкина в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и современность. Новгород, 1988. с. 29–30
12. Бодров, Е. Н. Об отношении Ф. М. Достоевского к чудесам // Достоевский и современность. Новгород, 1994. с. 50–55
13. Борисова, В. В. Фольклорно-мифологическая основа категории земли у Ф. М. Достоевского // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979. Вып. 6
14. Бочаров, С. Г. Праздник жизни и путь жизни // Русские пиры. СПб., 1998
15. Бочаров, С. Г. «Ты человечество презрел...» // Новый мир. 2002. № 8
16. Бузина, Т. Н. Мотивы Духовных стихов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. СПб., 1996. № 6. с. 62–81
17. Буланое, А. М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб, 1996. Т. 12. с. 125–136
18. Бушуева, С. А. Достоевский на зарубежной сцене: (Обзор) // Достоевский и театр. Л., 1983. с. 463–492

19. Ветловская, В. Е. Развязка в «Братьях Карамазовых» // Поэтика и стилистика русской литературы: Сб. памяти В. В. Виноградова. Л., 1971. с. 84–88
20. Ветловская, В. Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Древнерусская литература и её традиции в русской литературе XVIII–XIX вв. Л., 1971. с. 143–161
21. Ветловская, В. Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» // Достоевский и русские писатели. М., 1971. с. 325–354
22. Ветловская, В. Е. «Братья Карамазовы»: Дополнения к комментарию // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4., с. 190–191
23. Викторovich, В. А. Достоевский и Вл. Соловьев // Достоевский и мировая культура. СПб., 1993. № 1, ч. 2. СПб, 1993. с. 5–31
24. Викулова, Л. С. Глаголы говорения в функции введения прямой речи как средство художественно-образной конкретизации // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. Пермь, 1988. с. 128–135
25. Власкин, А. Л. Анализ ситуативного поведения героев в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филол. науки. 1988. № 3. с. 20–26
26. Власкин, А. Л. Творчество Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск, 1994
27. Власкин, А. Л. «Знающие» и «понимающие» герои в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и современность. Старая Русса, 1996. С.
28. Ветловская, В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977.
29. Галкин, А. Б. Пространство и время в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. — М., 1996, № 1
30. Джексон Р. Л. Проблема веры и добродетели в «Братьях Карамазовых» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1991. Т. 9.
31. Долинин, А. С. Зарождение главной идеи Великого Инквизитора // Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. с. 97–101.
32. Захаров, В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание: Межвуз. сб. / Отв. ред. И. П. Лупанова. Петрозаводск, 1974. с. 98–125.
33. Касаткина, Т. Библиография работ, посвященных роману «Братья Карамазовы», за последние четыре десятилетия. // <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/bibliografiya-rabot.htm>, 2007
34. Михайловский, Н. Жестокий талант // Отечественные записки. № 9, 10 с. 1–5
35. Франк, С. Л. Достоевский и кризис гуманизма (к 50-летию смерти Достоевского) // О Достоевском. — М., 1990. — 391–397
36. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. с. 3.
37. Бэлнеп, Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.
38. Галкин, А. Пространство и время в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. М., 1996. № 1. с. 5.
39. Сухих, О. С. Идея Великого инквизитора и личность в «Легенде о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. — № 3 (1). — с. 371–375
40. Сердюченко, В. Футурология Достоевского и Чернышевского // Вопросы литературы. — М.: [б. и.], 2001. — Вып. 3, с. 23–27
41. Бондаренко, Т. А. Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.
42. Кийко, Е. И. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. с. 125–129
43. Джексон, Р. Л. Вынесение приговора Федору Павловичу Карамазову // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1978. Т. 3. с. 173–183
44. Соина, О. С. Исповедь как наказание в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. с. 129–136
45. Савельева, В. В. Поэтические мотивы в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 7. с. 125–134.

Лингвостилистические средства выражения трагического мироощущения в лирике Георгия Иванова на примере стихотворений из цикла «Дневник»

Надилова Жанна Кирилловна, кандидат филологических наук, ассистент
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Данная статья посвящена исследованию языковой организации текста стихотворений Г. Иванова «Зима идет своим порядком...», «Накипевшая за годы...», «Все туман. Бреду в тумане я...», «Иду — и думаю о разном...», «Туман. Передо мной дорога...», входящих в цикл «Дневник». Целью настоящей работы является системный анализ лингвостилистических средств выражения трагического мироощущения, которым проникнута лирика Иванова периода эмиграции.

Ключевые слова: Георгий Иванов, лирика, лингвостилистический анализ, трагизм.

Лингвостилистические средства, т. е. языковые единицы разных уровней, выражающие «ту или иную линию эстетической концепции произведения [2, с. 196]», включают в себя: тропы, неологизмы и архаизмы, профессионализмы и жаргонизмы, особенности авторского словоупотребления и соединения стилистически нейтральных и экспрессивных языковых структур, своеобразие композиции, «взаимосвязь языкового и смыслового уровней текста с точки зрения полноты выражения авторской концепции» [там же] и др.

В настоящей статье рассматривается комплекс лингвостилистических средств передачи трагического мироощущения в стихотворениях Г. Иванова «Зима идет своим порядком...», «Накипевшая за годы...», «Все туман. Бреду в тумане я...», «Иду — и думаю о разном...», «Туман. Передо мной дорога...» из цикла «Дневник».

Рассмотрим систему лингвостилистических средств выражения трагического мироощущения в стихотворении «Зима идет своим порядком...».

Одним из основных приемов, используемых автором в данном произведении, является стилистический контраст, при котором возникает «несовпадение (контраст) стилистических окрасок слов (или большинства слов) в высказывании» [2, с. 483].

Стилистический контраст создается путем соединения нейтральных и стилистически окрашенных языковых структур. Так, Иванов вводит в текст слова, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки (-ок-, — к-), которые служат для образования экспрессивно окрашенных форм слова, придавая им различные семантические оттенки (презрения, иронии, приязни, сочувствия и т. п.). На данном приеме строится вся первая строфа:

Зима идёт своим порядком —
Опять снежок. Еще должок.
И гадко в этом мире гадком
Жевать вчерашний пирожок [1, с. 445].
Видим мы его и в конце стихотворения:
...А душу все не продадим.
Вот эту вянущую душку —
За гривенник, копейку, грош.
Дороговато? — За полушку.
Бери бесплатно! — Не берешь [там же]?

Здесь о тяготах эмиграции, об унижительной, беспросветной нищете, о желании оставаться верным себе, своим идеалам и своему призванию поэт говорит, используя сниженное «должок», «душку», создавая тем самым комический (иронический) эффект. Однако горькая ирония лишь усиливает трагизм, которым пронизано все стихотворение. Этой же цели служит замена нейтрального глагола «есть» на разговорно-сниженное «жевать» [4].

Средством выражения трагического мироощущения также становятся лексические повторы: «гадко в этом мире гадком», «считать себя... русским» и «считать ворон». Последний повтор является частью более сложного приема — стилистико-семантического контраста. Вторая строфа заканчивается словами:

...Считать себя с чего-то русским,
Читать стихи, считать ворон [там же].

В приведенном отрывке в один ряд ставятся понятия «считать себя русским», «читать стихи» и «считать ворон». За двумя стилистически нейтральными словосочетаниями следует экспрессивно окрашенное. Кроме того, начав с «высокого» (темы осознания своей национально-культурной принадлежности и темы поэзии), Иванов заканчивает фразеологизмом, означающим «заниматься пустяками» [3], распространяя тем самым его семантические оттенки на весь ряд однородных членов. Данный прием становится выражением авторской иронии: Иванов как бы приравнивает национальное самосознание и поэзию к пустякам, показывает, насколько абсурдно положение поэта-эмигранта, насколько трагична и безысходна его судьба.

Схожим по своему идейно-эмоциональному строению является и стихотворение «Накипевшая за годы...», где также широко используется экспрессивная лексика. Иванов вводит в текст разговорные слова «разномастный», «хамье», имеющие отрицательную коннотацию [4]. Причем сниженная разговорная лексика стоит в одном ряду со словами «джентльмен» и «специмен», являющимися кальками с английского языка, с устаревшей и высокой лексикой («ревнитель», «ярмо»), а также с речевыми штампами («поборник свободы» — штамп, характерный для публицистического стиля). Этот стилистический контраст создает опреде-

ленный комический эффект (точнее — трагикомический), становясь средством выражения горькой иронии:

Накипевшая за годы
Злость, сводящая с ума,
Злость к поборникам свободы,
Злость к ревнителям ярма,
Злость к хамью и джентльменам —
Разномастным espécименам
Той же «мудрости земной»,
К миру и стране родной [1, с. 447].

Примечательно, что используемое автором единоначалие делает стилистический контраст еще более ярким, а чувство трагизма, которым проникнута первая строфа, — еще более щемящим.

Во второй строфе Иванов обыгрывает детскую загадку, заменяя нейтральное «сидеть» на сниженное «усесться», усиливая тем самым горькую иронию и ощущение абсурдности мира, которое проходит через все стихотворение:

Нечто кошкино иль птичье,
Отчего не по себе
Верным рыцарям приличья,
Благонравным А и Б,
Что уселись на трубе [там же].

Разностилевая лексика служит важным средством экспрессии и в стихотворении «Все туман. Бреду в тумане я...». Иванов вводит в текст разговорные слова «неуч», «толковать» в значении «говорить», фразеологизм «первый встречный-поперечный», имеющий отрицательную коннотацию [4]. Кроме того, стилистический контраст создается за счет использования в одном предложении высокой лексики («рок») и лексики, которая соответствует публицистическому или обиходно-деловому стилю («энергичный»).

Идейно-эмоциональное воздействие на читателя осуществляется также с помощью нанизывания однородных членов предложения — одного из наиболее ярких стилистических приемов:

Я бы зажил, зажил заново
Не Георгием Ивановым,
А слегка очеловеченным,
Энергичным, щеткой вымытым,
Вовсе роком не отмеченным,
Первым встречным-поперечным —
Все равно какое имя там... [1, с. 394]

Еще один яркий прием, используемый Ивановым, — лексический повтор. Повторяются ключевые слова: «туман» как часто используемая поэтом метафора жизненной безысходности, «зажить» — слово, которое своей принадлежностью к разговорному стилю подчеркивает иронично-сниженное отношение автора к тому образу благополучного и успешного человека, чью жизнь Иванов противопоставляет своей трагической судьбе.

Тем же чувством полной безнадежности и усталости от жизни проникнуто и стихотворение «Туман. Передо мной дорога...». Здесь трагическое мироощущение выражается с помощью таких языковых средств, как антитеза («Вы — царь зверей. А я — овца...»), синтаксический параллелизм («Смеются надо мной вороны, царапают

меня коты»), лексические повторы, парцелляция («Без гонорара. Без короны»), а также сочетание антитезы, единоначалия и синтаксического параллелизма:

Не верю в милосердьё Бога,
Не верю, что сгорю в аду [там же, с. 448].

Примечательно, что данные приемы сопровождаются стилистическим контрастом. На фоне нейтральной лексики Иванов использует разговорные и просторечные, бранные, слова («плестись», «сволочь»), переработанный фразеологизм «поднести на блюдечке с голубой каемочкой» (у Иванова — «поднести на блюде»). Кроме того, в текст лирического произведения включены слова «гонорар», «коллега», «любезно», которые создают определенный стилистический диссонанс, поскольку обладают совершенно иным культурным кодом (бюрократическим, деловым, юридическим) и неизбежно воспринимаются читателем как некие «инородные вкрапления» [5, с. 215] в поэтическом тексте.

Соединение или даже столкновение различных культурных кодов в стихотворении становится у Иванова не просто средством создания иронического эффекта, оно позволяет передать основное настроение стихотворения (чувство одиночества, безразличья и полной безысходности), а также выразить один из центральных мотивов произведения — мотив изгнанничества, чуждости окружающему миру. Не только лирический герой «покорно» и одиноко «бредет» по дороге жизни, оказываясь всюду чужим, но и сам текст лишен стилистической целостности: соединение элементов различных стилей создает эффект «лоскутного одеяла», и чуждые поэтическому тексту культурные коды неизбежно заостряют на себе внимание читателя, становясь средством расстановки смысловых акцентов:

Вы — царь зверей. А я — овца
В печальном положеньи принца
Без королевского дворца.
Без гонорара. Без короны.
Со всякой сволочью на «ты» [1, с. 448].

Гонорар и корона ставятся в один ряд. Псевдовысокое намеренно соединяется с псевдонизким, мелкобытовым. Однако целью этого контраста, на наш взгляд, не является комический эффект как таковой. Пожалуй, справедливо будет сказать, что для Иванова участь принца, лишившегося королевства, и судьба вынужденного жить на чужбине поэта, как, впрочем, и любого другого человека, одинаково трагичны, ибо в нашем «безобразном» [там же, с. 386] и «гадком» [там же, с. 445] мире «бедные люди — пример тавтологии» [там же, с. 431]. Иными словами, несчастье — естественное состояние человека, жизнь априори абсурдна и безысходна. Данный факт является основным объектом авторской иронии — горькой иронии поэта, который осознает всю трагичность человеческого существования, но в то же время не может с ней окончательно смириться.

Это противоречие автор выражает через контраст на уровне лексико-стилистического оформления и архитектоники произведения, а также художественно-эстетических категорий. Кроме того, данные уровни

противопоставляются друг другу. И в этом заключается стилистическое своеобразие не только рассматриваемого стихотворения, но и лирики Иванова в целом: Иванов создает контраст между языковым и смысловым уровнем текста.

Сложное идейно-эмоциональное содержание (мотив изгнанничества, одиночества, безысходности) контрастирует с комплексом лингвостилистических средств,

используемых для его выражения (канцеляризмами, разговорно-просторечной и бранной лексикой и др.). Иванов преднамеренно говорит о «высоком» «низким языком», представляет его как нечто будничное, обыденное, но тем самым лишь усиливает трагикомический эффект, делая авторскую иронию еще более горькой, а чувство безысходности, которым проникнута эмигрантская лирика Иванова, — еще более щемлящим.

Литература:

1. Иванов, Г. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1993. — 656 с.
2. Кожина, М. Н. Энциклопедический словарь русского языка. М., 2011. — 696 с.
3. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс] // Университетская библиотека онлайн, М., 2001–2018. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=127 (дата обращения: 12.08.2018).
4. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // slovari.ru, М., 2005–2018. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=244> (дата обращения: 25.08.2018).
5. Пыж, А. М. Использование юридической терминологии в художественных текстах // Научные исследования: от теории к практике: материалы междунар. конф., Чебоксары, 2015. с. 214–218.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Новогодний праздник Сагитё и японская фольклорная традиция

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В новогодней обрядности японцев, представляющей собой сложный комплекс праздников и ритуалов, особое место занимает праздник *Сагитё*. Он завершает традиционные двухнедельные новогодние торжества и приходится на ночь с 13-го на 14-е января по солнечному календарю. О значимости этого праздника в сезонно-обрядовой жизни японцев говорит тот факт, что *Сагитё* был известен и широко бытовал в Японии, по крайней мере, начиная с IX в. Первоначально он отмечался в кругу аристократов, но со временем получил и народную вариацию. В этом случае он назывался *дондоняки* и носил массовый характер, подразумевающий устройство большого костра на открытой площадке или на берегу моря и присутствие на нем большого числа людей. На этом празднике было принято сжигать все новогодние украшения, сделанные из рисовой соломы (*симэкадзари*). Огонь этого костра считался очистительным, и в системе народных благожелательных новогодних обрядов ему придавалось очень большое значение, поскольку считалось, что в огне сгорали все горести и несчастья прошлого года. Этот огонь означал также, что бог Досодзин, которому и посвящался праздник, будет помогать людям и впредь.

Синтоистское божество Досодзин издавна считался в Японии одним из новогодних богов, хотя ему поклонялись как богу, связанному с продуцирующей магией, весь год. Его каменные изваяния, как считается, получили наибольшее распространение в Японии примерно с середины эпохи Эдо (1603–1868), что было связано с появлением в деревнях большого числа мастеров по камню, ранее участвовавших в строительстве замков крупных феодалов. При этом известно, что сам культ камня имел в Японии гораздо более давние традиции.

Сегодня изображения бога Досодзина выполняют в народной японской культуре ту же функцию, что и много лет назад, то есть являются показателями границы того или иного населенного пункта, обозначают границу рисовых полей, указывают на наличие перекрестка. То есть бог Досодзин стоит на страже наиболее важных для жизнедеятельности и магической чистоты человеческого сообщества объектов. Японцы по-прежнему почитают это божество, чествуют его во время больших праздников и бережно ухаживают за его изваяниями в будни.

Иконография бога Досодзина разнообразна, но чаще все встречается два «изображения» этого божества.

Прежде всего, речь идет о небольших вертикально установленных на невысоком постаменте камнях (стелах) с иероглифической надписью имени божества, состоящего из трех иероглифов. Такие «изображения» бога Досодзина можно встретить в основном на обочине дорог, около крутых поворотов. Однако встречаются и другие изображения. Их часто можно увидеть на границе храмов — как синтоистских, так и буддийских, у дорог, а также на меже, на краю рисового поля. Это каменные столбики, высотой примерно от 0,5 м до 1 м, имеющие прямоугольную форму. На них в легком, но очень четком рельефе вырезаны две фигуры — мужская и женская. Эти мужчина и женщина облачены в праздничные длинные одежды с широкими рукавами. Волосы у них уложены в высокий пучок, а на головах — прилегающие к волосам шапочки. Иногда же, по буддийской традиции, волосы обриты наголо. Мужчина и женщина изображаются стоящими рядом: как правило, они стоят, взявшись за руки. В некоторых рельефах они стоят, обнявшись, положив друг другу руки на плечи. При этом известны и другие изображения этой пары в позах весьма фривольного характера.

До сих пор дискуссионным может считаться вопрос о том, кто же подразумевается под образами мужчины и женщины в иконографии бога Досодзина. По этому поводу высказываются различные точки зрения. Но в основном принято считать, что две фигуры на камне символизируют двух великих богов-супругов *Идзанаги* и *Идзанами*, которым, согласно японской мифологии, приписывается заслуга творения Космоса из Хаоса, создания всего окружающего мира, островов, богов и, наконец, создания самой Японии.

Однако есть и другая версия. Согласно ей, эти две фигуры символизируют двух других значимых богов японской классической мифологии — бога *Сарудахико-но ками* и богиню *Амэ-но Удзумэ* [2, р. 446]. Напомним, что, как гласят древние японские мифы, при нисхождении на землю потомка богини Аматэрасу — бога Ниниги — именно бог Сарудахико-но ками, находясь на восьми небесных перекрестках, освещал сверху — Равнину высокого неба, а снизу — Тростниковую равнину, то есть землю. Аматэрасу приказала богине Амэ-но Удзумэ узнать, кто стоит на пути бога Ниниги. И тогда бог Сарудахико-но ками назвал свое имя и сказал, что он —

земной бог. Он сказал также, что прослышал о нисхождении небесного бога и хочет послужить ему проводником. Бог Ниниги приказал богине Амэ-но Удзумэ служить богу Сарудахико-но ками, а затем, «взяв себе его имя», служить самому Ниниги [1, с. 484].

Совершенно очевидно, что наличие в иконографии бога Досодзина явно выраженной любовной темы, понимаемой в древности, безусловно, как темы плодородия в широком смысле слова, не могло не закрепить за этим божеством функцию дарителя детей бездетным супругам. Сохранились сведения о том, что еще в XIX-начале XX в. широко бытовал обычай молиться около камней с изображениями бога Досодзина о рождении детей. Причем требовалось, чтобы к каменному изваянию супруги отправлялись непременно вместе [2, р. 446–449].

Интересно, что со временем в разных районах Японии богу Досодзину стали приписываться самые разные функции, изначально ему не свойственные. В этом смысле показательна специфика культа бога Досодзина, сложившаяся в преф. Гумма, где бытовало также немало фольклорных повествовательных текстов, посвященных этому божеству. В этой префектуре бога Досодзина было принято именовать Дорикудзин, что буквально означает «Бог — [покровитель] дорог и побережья» и «устанавливать» его не только в общепринятых местах — на перекрестках дорог и границах рисовых полей, но и на берегах водоемов. Попытку объяснить столь необычное место для нахождения бога Досодзина дают тексты локальных легенд этой префектуры.

Согласно одной из них, бог Дорикудзин влюбился в богиню Бэнтэн, известную как богиня красноречия, музыки и искусства, связанную также и с водной стихией. Дорикудзин пытался заговорить с ней, но богиня засмеялась и скрылась на дне глубокого пруда. Затем она появилась на другом берегу пруда, как бы зовя Дорикудзина за собой, после чего вновь скрылась в воде.

Дорикудзин же хотел перейти вслед за богиней Бэнтэн на другую сторону пруда, но не смог этого сделать. Дело в том, что через пруд был перекинут мост в одно бревно, а бог Дорикудзин был одноногим. (Здесь следует заметить, что сведения об «одноногости» бога Досодзина (Дорикудзина) являются достаточно редкими, и связан этот факт, вероятно, с тем, что символом божества является один вертикально стоящий столб). Не имея возможности последовать за богиней Бэнтэн, но, желая вновь ее увидеть, несчастный Дорикудзин решил встать на берегу пруда и ждать до тех пор, пока Бэнтэн не появится вновь. С тех пор, как повествует эта легенда, изображения бога Досодзина можно встретить на берегу прудов и озер. История об «одноногости» бога имела свои последствия. С течением времени к изваяниям божества стали приходить те, у кого были проблемы с ногами; бога стали просить избавить от боли в суставах, научить ребенка поскорее ходить или помочь больному встать на ноги. Появился обычай подносить в дар богу соломенные сандалии [3, с. 114].

Конечно, такие функции бога Досодзина, как дарование детей или помощь в избавлении от недуга, являются чрезвычайно важными и способствуют особому

почитанию этого божества во многих районах Японии. Важно отметить, что праздничные чествования бога Досодзина (а именно он являлся главным божеством на празднике Сагитё), имели практически непрерывную историю развития и дошли до наших дней. Сегодня центром торжеств является префектура Канагава, в городах и деревнях которой можно встретить огромное количество стоящих на улицах и на перекрестках дорог каменных изваяний бога Досодзина.

Этот праздник в зависимости от района древней земли Сагами имеет разные названия. Например, его называют *Сээтобарэ (Сээтобарай)*, *Тондояки* или *Дангояки*. Традиционно одним из наиболее известных мест проведения этого праздника считался город Ооисо в преф. Канагава. В 1978 г. праздник был признан «Нерукотворным культурным сокровищем префектуры Канагава» и ему было возвращено историческое название *Сагитё*. Спустя некоторое время, а именно, в 1997 г. праздник был объявлен уже «Важным нерукотворным культурным достоянием Японии».

Традиционно праздник состоит из нескольких этапов. Подготовка к нему начинается в строго определенный день — 8-го числа 12-го месяца, когда проводится обходной обряд *итибан мусуко* («Первый сын»). В этот день дети обходят все дома в своем населенном пункте, неся с собой камушки, перевязанные веревкой. Такие камни получили название *горо-иси*. Придя к дому, дети оставляют один такой камушек на пороге дома и исполняют благопожелание типа «Чтобы к вам, господин, пришла молодая женушка, навестил вас нынче *итибан мусуко*». Считается, что приход детей должен предотвратить приход нежелательных гостей, например, Одноглазого монашка, известного также под именем «Бог чумы».

О том, почему столь странный гость вообще может пожаловать в любой дом именно в этот день, сохранились старинные легенды земли Сагами, к которой исторически относились и территории современных городов Ооисо и Хадано, где эти легенды получили широкое распространение. Как рассказывают, когда-то в 8-ой день 12-го месяца в преддверии Нового года Одноглазый монашек (*хитоцумэ кодзо*) решил обойти все дома и подробно записать все прегрешение и дурные поступки, которые совершили люди, особенно дети, за прошедший год. Когда он закончил свою работу, оказалось, что за год у людей скопилось немало дурных мыслей, ссор, обид, бранных слов и всего того, за что можно было бы наказать людей. В записанном виде эти дурные деяния представляли собой много-много томов книг или тетрадей. Однако, как посчитал Одноглазый монашек, для воздаяния еще не настало время, и потому он решил вернуться, чтобы наказать людей в 15-ый день 1-го месяца (по одному из вариантов, в праздник прихода весны *Сэ-цубун* в 3-й день 2-го месяца). Но нести с собой тяжелые книги в горы ему не хотелось. (А Бог чумы, то есть Одноглазый монашек, наравне с «позитивными» богами, по представлениям японцев, также обитал в горах). Поэтому-то он и решил оставить свои книги с описаниями людских прегрешений около каменного изваяния бога Досо-

дзина, который, как уже отмечалось, был одноногим и никуда уйти не мог. Однако Досодзин не захотел, чтобы Одноглазый монашек покарал людей, и потому он взял и сжег все эти книги. Случилось это как раз накануне возвращения Одноглазого монашка, то есть в 14-й день 1-го месяца. Когда же тот вернулся, его негодованию не было предела, но ничего поделать Одноглазый монашек уже не мог. В большом костре сгорело все дурное, что совершили люди в прошлом году. Огонь очистил их и подарил надежду на лучшее будущее. С тех самых пор, резюмирует легенда, праздник *Сагитё* проводят в 14-й день 1-го месяца. И во время торжеств обязательно разводят большой костер, сжигают все новогодние украшения и молятся о счастье в новом году [4, с. 133–134].

Как видно, особое значение для чествования бога Досодзина имеют, по крайней мере, две даты: 8-й день 12-го месяца и 14-й день 1-го месяца. Значение этих дат действительно чрезвычайно велико, однако, большое значение придается в Японии также и «промежуточным» датам в системе чествования этого божества. Так, например, после 7-го числа 1-го месяца было принято отправлять детей по соседским домам, как своего города, так и его окрестностей, собирать новогодние украшения — обереги из рисовой соломы, украшения из сосны и бамбука, а также кукол-*дарума*. Собранные новогодние атрибуты убирали до поры до времени.

В наши дни обычай собирать украшения сохранился лишь частично, и не является исключительно делом детей. При этом следует отметить, что роль детей во всем процессе подготовки к празднику Сагитё остается чрезвычайно значимой — участие в подготовке и проведении праздника служит своеобразным оберегом от происков коварного Одноглазого монашка, зорко следящего, прежде всего, за поведением детей. Изменилась и форма сбора новогодних украшений. Сегодня жители домов того или иного района самостоятельно выносят их к каменным изваяниям бога Досодзина и ставят свои украшения в бумажных пакетах или без таковых вокруг каменной стелы или барельефа. Дата «сбора» украшений до сих пор соблюдается неукоснительно, а сами украшения помещаются таким образом, чтобы выглядеть как нечто, оставленное «около Досодзина на хранение», как и было сказано в известном предании, а никак не свалка старых ненужных вещей. При этом ни один Досодзин не остается «без дела».

В прошлом в обряде сбора новогодних украшений были задействованы не только дети, но и городская молодежь. Молодые люди приносили более крупные предметы, такие, как *кадомацу*, состоящие из высоких стеблей бамбука и сосновых ветвей или же из небольших сосенок с прикрепленными к ним ветками бамбука. При этом для начала сбора украшений молодыми людьми

также была определена точная дата — 11-й день 1-го месяца. Через несколько дней все эти украшения — и большие, и маленькие — становились незаменимым материалом для строительства особых башен *сээто* (*сайто*) — главного атрибута праздника *Сагитё*. На 11-й день 1-го месяца приходились и другие важные обряды. Так, именно в этот день в центре деревни или с нескольких значимых мест городка было принято устанавливать «большие сосны» и «главный бамбук», которые символизировали основные атрибуты японского нового года. Особое внимание уделялось границам самого района (деревни, городка) — их «закрывали» от темных сил, вывешивая на всех дорогах, ведущих в городок или деревню, рисовые веревки-обереги *симэнава*.

Там же, на границе, в этот же день было принято строить специальный домик *о-кария*, в котором затем собирались дети и чествовали бога Досодзина. Домики-*о-кария* — представляли собой небольшие сооружения многолетнего или одноразового использования. В первом случае — это были деревянные постройки в виде домика с угольной крышей, но без двери, во втором — хижины, в основу стен и потолка которых ставились бамбуковые шесты, а сами стены и крыша изготавливались из ветвей бамбука, лапника криптомерии и пучков рисовой соломы. На устройство дома в большом количестве всегда шли собранные уже к этому времени новогодние украшения крупных форм. Во внешнем оформлении дома эти украшения также использовались достаточно широко. В домик *о-кария* помещалось каменное изваяние бога Досодзина.

В прошлом большое значение имел также период с 11-го до 13-го числа 1-го месяца, когда повсеместно совершался обряд *нанатоко-маури* («паломничество в семь мест»), который предполагал посещение в этот период не менее семи каменных изваяний бога Досодзина. В обряде поклонения обязательное участие принимали дети. Затем дети обходили дома в своей деревне, исполняя благопожелательные песни и желая соседям достатка и процветания. Однако сегодня такие обходы практически не совершаются, как уходит в прошлое и традиция паломничества к большому числу изваяний бога Досодзина.

Кульминация торжеств традиционно приходилась на 14-ый день 1-го месяца. Рано утром собирали выставленные по городу *омбэ* (украшенные высокие стебли бамбука), собранные детьми новогодние украшения, а также домики-*о-кария* и вывозили их в то место, где планировалось строить башни-*сээто*. В прибрежных районах это однозначно были широкие пляжи или другие открытые места в непосредственной близости от моря, где ночью огромные башни подожгут, и вместе с огнем уйдут все людские беды и несчастья.

Литература:

1. Пинус, Е. М. Саруда-хико // Мифологический словарь. М., 1991..
2. A History of Japanese Religion. Edited by Kazuo Kasahara. Tokyo, 2001.
3. Нихон дэнсэцу тайкэй (Собрание легенд Японии). Т. 4 Токио, 1986.
4. Нихон дэнсэцу тайкэй (Собрание легенд Японии). Т. 5 Токио, 1986.

The role of synthetic and analytic in modern English

Aslanova Khurriyat Ibodullaevna, teacher
Uzbek State University of World Languages (Tashkent)

Questions of «synthetism» and «analytism» (or «synthesis» and «analysis») are one of the cardinal linguistic problems developed synchronously and diachronically on the material of the most different Indo-European and non-Indo-European languages. These questions are closely related to human perception of the surrounding reality and peculiar breaking this reality in the structure of the language. Phenomena reality is not perceived by people individually, however «analytically».

It is always a complex of signs — the subject and its position in space or its relation to the speaker, his characterization from the point color, volume, statics, dynamics, etc. In the language of these complexes decomposed into component parts. Its limit this activity human consciousness reaches in a dictionary where each highlighted the lexical unit understands its possible semantic variants, and in grammar in which from a complex and intertwined system relations between objects and signs, etc. highlights the main units transformed into one or another grammatical morphemes (N.A. Laponogov, 1967). The problem of «synthesis» and «analysis» is thus acts as a problem of private and common.

The terms «synthetism» and «analytism» are interpreted differently, but traditionally under the «synthetism» understand the expression of one unit of language in one grapheme word, and under «analyticism» — the expression of one unit language in different grapheme words that are analytical constructions (N.A. Laponogova, 1967).

It is common to speak of «synthetism» and «analytism» when applied to grammar and very rarely — to vocabulary. However, outside of Analytistics, to determine that such a «word» is difficult.

Being the main line of development of Romance languages that have passed difficult path from synthesis to analysis in their grammatical structure, this problem it was considered in particular detail in romanistics. Exactly

Romance languages were the basis for the initial development of these questions, who then became interested in the Germanists, Slavists and representatives other language groups.

In the formation of the grammatical structure of the Germanic languages, development from synthesis to analysis was not associated only with grammatical by categories. As a rule, the analyticism of the grammatical system was based on lexical units that lost their lexical independence

and filled with one or another grammatical content. (For example: the transformation of a number of verbs, through the auxiliary level, into indicators time, faces and numbers; lexical devastation of some prepositions, accepting case functions; adverbs accepting functions degrees of comparison of adjectives, etc.).

The continuous development and formation of new forms is observed in any lexical and grammatical group. The reasons for the formation of certain forms are complex and peculiar, and the ways of their development in the general course of formation the structures of a particular language are different.

In the paradigmatic system of the English language, the verb as the most dynamic of all parts of speech, very active in responding to all new language trends and registers them. In the category of the verb can be found the beginnings of the new, which can later cover the whole structure of the language generally. Leaving his genesis in the depths of history, he continues his clearance and in our time. The main lines of its development are traced with of the remote past, and their progressive movement is steady persists, without going beyond the leading trends (N.A. Laponogova, 1967).

The systematic nature of modern English with characteristic prevalence of analytical elements determines the possibility of analyticism in various areas of the language, for example, not only in inflection, but also in word formation. Observations over living facts of modern English show that the means expressions of a single concept by complex lexical constructions limited to complex words and phraseological units.

A special place is occupied by the construction, which, having properties that are common with above named, however, are fundamentally different from them. there is grounds to assert that these constructions which cannot be attributed neither to phraseological units, nor to complex words, have already moved to new category — the category of analytical lexemes.

If we agree that the main condition for the formation analytical forms is their correlation with synthetic forms, then in this case, the presence of analytical lexemes is quite natural, since they have something to relate to: they relate to simple words, «Monolithic» or «synthetic» (N.A. Laponogova, 1967: 51). So, a parallel word to to be tired is to tire

just like in Russian language «marry», but «get married». If not always available correlative synthetic and analytical lexemes, then in this. There is a complete analogy in inflection. In Russian, analytical verb forms are found only in one future tense of imperfect of the form: «I will read», but I will «read.» On the other hand, in a group English perfect there are only analytical forms and There are no synthetic, with which they would correspond.

Thus, analytical forms in one category can arise and develop on the background of synthetic forms of another grammatical category.

If you are consistent, you can imagine in an ideal case a language possessing exclusively analytical forms that are not correlated with any synthetic by forms. But we will still consider it analytical if it is possess characteristic features of the analytical system, namely, if each form in it will consist of a service modifier and lexical — differentiator of elements (N. A. Laponogova, 1967).

This most important, typologically conditioned feature of English lexical subsystem attracted the attention of many researchers such as ai Smirnitsky, G. N. Vorontsova, N. N. Amosov, A. V. Kunin. However, its fruitful consideration was prevented by disputes about the very admissibility of analyticism in vocabulary, and when they ended denying such a possibility (AI Smirnitsky, 1959: 83), the question arose on attributing this phenomenon to morphology, syntax, word formation or phraseology. It remains unresolved for the reason that nature analytical derivation in the vocabulary does not allow to treat it as a phenomenon grammatical (morphological or syntactic); it and not word-formation, since the product of derivation is not a word; finally it»s not phraseology, since there is no idiomaticity, but there is a regularity derivations on certain models.

According to I. V. Shaposhnikov source of theoretical difficulties in this important issue served as the interpretation of the word as an element lexical language subsystem. Meanwhile the central position of the word in the macrosystem of a language is due to the fact that it appears in all three of its subsystems — grammar, sound and lexical.

It is illegal to interpret a word as an element of one of them. Lexical subsystem is a collection of nominations, titles for the selected in the surrounding world of objects, processes, qualities. The word is canonical nomination form, and canonicity does not imply obligation. So, official words, undoubtedly being words, but not nominations, in lexical language subsystem are not included. On the other hand, the nomination can be done by combining words. If such a connection fairly regular and stable, it has the same element

status the lexical subsystem, as an unofficial word, differing from it analyticity of its structure. A. I. Smirnitsky was right to refuse recognize the possibility of the existence of an analytic word because it would consist of words, and the whole and its part cannot be the same title. The element of the lexical subsystem must be recognized not a word, but lexeme, which can be either single-word or non-word, analytical. The ratio of these two structural types of tokens in one language or another, its most important line characteristic.

General principles for constructing analytical lexemes, on the one hand, the same as for analytical combinations in grammar, on the other hand the same as in synthetic word formation. They combine little by little standard models are two functionally different components — main and service. Semantic function of the main component as the root in the word and how the conjugated verb in the analytic combination consists in carrying the core value, modified in the derivative.

The semantic function of the service component, like affix or auxiliary verb, is to modify the stem values. Understandably, the widespread view of desemantization service components of analytical entities, both in grammar and in vocabulary without foundation, because the change of semantic characteristics of the word due to functional specialization does not lead to the loss of all meaning, to semantic desolation.

Analytical lexemes, as well as individual words, have a part-word characteristic. Among the English analytical lexemes prevail verbs, a lot of nouns. Belonging to the part of speech is determined by the service component of the lexeme, leading in grammatical plan.

In modern typology stands out the concept of «type of language», under which is understood as a stable set of leading signs of language and «Type in language» which is understood as features in the structure of a language, not being leading to a given language, but forming some stable set of features.

Historically, there are four language types based on the account signs and properties of the formal aspects of the word, its ability attach inflection and word formation morphemes: inflectional, agglutinative, insulating, polysynthetic.

Typological restructuring of the English language, especially actively held in the middle English period, affected all of its subsystems and led to a significant transformation of its structural type.

English, historically inflectional, acquired features of root isolation and agglutination characteristic of the analytical type of language.

References:

1. Close R. A. A teacher»s Grammar. The central problems of English. LTP London, 1994. — 166p.
2. Cruse D. A. Lexical Semantics. — Cambridge: University Press, 1997. — 310p.
3. Analysis of Germanic languages in the historical-typological, Cognitive and Pragmatic Aspects: Monograph / Institute Linguistics of the Russian Academy of Sciences; NSU. Novosibirsk, 2005. — 245s.
4. Analytical constructions in languages of different types: / Otv. ed. V. M.
5. Zhirmunsky, O. P. Sunik. — Moscow-Leningrad: Science, 1965.
6. Anichkov I. E. Adverbial postpositions in modern English language // Scientific notes of the Pyatigorsk State Pedagogical Institute. T. 24. 1961.

Использование идиом в обучении английскому языку в средней школе

Ахметзянова Фания Илалдиновна, учитель английского языка
МБОУ «Средняя общеобразовательная русско-татарская школа № 150» г. Казани

Данная статья посвящена использованию идиом при обучении английскому языку. Применение идиом на занятиях не только способствует решению практических задач изучения иностранного языка, но и помогает учащимся познакомиться с жизнью и культурой народа, язык которого они изучают.

Что такое идиома? «Идиомы — это словосочетание, понимаемое в переносном значении и состоящее из двух или более слов, значение которого не определяется значением входящих в них слов. Английская идиома-это оборот речи, не передаваемый дословно на русский язык. Его значение надо запомнить».

Идиомы встречаются как в разговорной, так и в письменной речи, в статьях, блогах, форумах. Однако их довольно сложно использовать в речи, потому что идиомы разных языков сильно отличаются друг от друга и их дословный перевод может привести к путанице или непониманию. Поэтому иностранца, говорящего на языке, часто выдаёт непонимание идиом и отказ от их употребления в речи.

Идиомы составляют яркую и национально-своеобразную часть языковой картины мира. Они помогают учащимся познакомиться с жизнью и национальной культурой народов носителей языка, способствуют развитию их функциональной грамотности, развивают языковую догадку. Использование идиом на занятиях способствует решению практических задач изучения иностранного языка, поскольку идиоматические обороты побуждают учащихся к дискуссии. В целях отработки пройденного материала полезно предлагать упражнения на постановку идиомы в предложения, объяснить значения идиомы, вставить подходящее слово в идиому, соединить идиомы и их перевод. Таким образом, изучение идиом способствует более интенсивному усвоению лексического материала и развивает у учащихся навыки чтения, письма и говорения. Овладение большим запасом идиоматических выражений позволяет учащимся не только свободно и с легкостью общаться с носителем иностранного языка, но и позволяет снимать трудности при чтении художественной литературы.

В данной работе мне бы хотелось рассмотреть идиомы, которые часто применяются в речи; продемонстрировать упражнения, направленные на закрепление знаний и формирование навыков употребления идиом.

1. Идиомы на тему «Семья и родственники»

a close — knit family — крепкая, дружная семья; **blood is thicker than water** — кровь гуще воды; **it runs in the family** — это семейная черта; **like father, like son** — яблоко от яблони недалеко падает; **nearest and dearest** — родные и близкие; **to fly the nest** — покинуть гнездо;

to tie the knot — пожениться, связать узлами брака.

Упражнения на закрепления материала:

1. Вставить следующие идиомы в предложения.
to tie the knot, nearest the dearest, a close — knit family, to fly the nest, blood is thicker than water, it runs in the family.

a) We are not going to invite a lot of people for the wedding, only our

b) If you have some problems, try to talk to your family. They are always to help you unlike your friends.

c) Have you heard that Mike and Anne ...? It seems that they finally decided

d) Alison has curly hair just her mother. This trait....

e) It's such a pity your parents got divorced. You were such

2. Соедините идиомы и их переводы.

a close — knit family — это семейная черта

blood is thicker than water — крепкая семья

it runs in the family — яблоко от яблони недалеко падает

like father, like son — родные и близкие

nearest and dearest — кровь гуще воды

3. Выберите правильный вариант.

a) I think they are not ready to tie **laces/knot**. b) You are already 25 years old; it's time to fly the **west/nest**. c) **Nearest/ closest** and dearest are always there to help us. d) They are a **close-knit/close-neat** family.

2. Идиомы на тему «Идиомы о погоде»

break the ice — сказать или сделать что-то, чтобы снять напряжение; **every cloud has a silver lining** — нет худа без добра; **feel under the water** — плохо себя чувствовать; **for a rainy day** — на чёрный день; **it never rains but it pours** — беда не приходит одна; **the calm before the storm**-затишье перед бурей.

Упражнения на закрепления материала:

1. Вставить следующие идиомы в предложения.

break the ice, every cloud has a silver lining, feel under the water, for a rainy day, it never rains but it pours, the calm before the storm.

a) Don't spend your money. It's wise to save it

b) Anna was feeling that day so she cancelled the date.

c) She offered to have a cup of coffee to.....

d) We are not having vacation this year, butWe are going to save money.

e) It ... — today I have lost my purse and then a job.

2. Соедините идиомы и их переводы.

feel under the water — затишье перед бурей

it never rains but it pours — на чёрный день
 break the ice — нет худа без добра
 the calm before the storm — плохо себя чувствовать
 every cloud has a silver lining — сказать или сделать
 что-то, чтобы снять напряжение

for a rainy day — беда не приходит одна

3. Выберите правильный вариант.

a) Are you all right? No, I feel under the **snow/water**.

b) My mother taught me to save money for a **sunny/rainy** day. c) Have a little fun while we get to know one another, break the **snow/ice**. d) We are going to have much work tomorrow. So now is the **sun/calm** before the storm.

3. Идиомы на тему «Дом и мебель»

on the house — бесплатно, за счёт заведения; **to make oneself at home** — чувствовать себя как дома; **to hit the ceiling** — прийти в ярость, дойти до точки кипения; **to keep open door** — принимать много гостей в любое время; **feel at home** — чувствовать себя как дома; **to get a foot in the door** — начать карьеру; **to bang one's head against the wall** — пытаться добиваться чего-то безнадежного, биться головой о стену.

Упражнения на закрепления материала:

1. Вставить следующие идиомы в предложения.

on the house; to make oneself at home; to hit the ceiling; to keep open door; feel at home; to get a foot in the door, to bang one's head against the wall.

a) Don't be shy.

b) When the dog chewed Dad's passport, he.....

c) Hewhen he was 20 and now he is a director of the company.

d) Let's go to the bar! Drinks are

e) The BrownsYou can see people coming in and out at any time.

d) This TV cannot be fixed. Stop

2. Соедините идиомы и их переводы.

on the house — начать карьеру

to make oneself at home — бесплатно, за счёт заведения

to hit the ceiling — чувствовать себя как дома

to keep open door — пытаться добиваться чего-то безнадежного

feel at home — прийти в ярость, дойти до точки кипения

to get a foot in the door — чувствовать себя как дома

to bang one's head against the wall — принимать много гостей в любое время

Литература:

1. Английский в фокусе для 7,8 классов, Эванс В., Дули Дж., Подоляко О. — М: Просвещение, 2018.
2. Винарева, Л. А., Янсон В. В. Английские идиомы. — К.: ИП-Логос-М, 2008.
3. Гурикова, Ю. С. Идиомы. -Ростов-на — Дону: Феникс, 2018.
4. Скуланова, А. Ю. Английский без акцента. — М., 2011.
5. Хейнонен, Е. Популярные английские идиомы. -Эксмо-Пресс, 2016.

3. Выберите правильный вариант.

a) My dream is to keep **open/wide** door: friends and parties every night. b) I am very happy to see you, come in and make yourself at **house/home**. c) Congratulations! I heard you got a foot in the **steps/door** of Google. d) It's boss's birthday! All the drinks are on the **rocks/house**. e) He doesn't understand that it will never function. He just bangs his head against the **fence/wall**.

4. Идиомы на тему «Еда»

a piece of cake — что-то лёгкое, элементарное; **couch potato** — лежебока; **bread and butter** — средства к существованию; **cry over spilt milk** — сожалеть о непоправимом; **spill the beans** — выдать секреты; **in hot water** — в заботах, хлопотах, в беде; **one's cup of tea** — любимое занятие, **with a pinch of salt**-не принимать всерьёз.

Упражнения на закрепления материала:

1. Вставить следующие идиомы в предложения.

a piece of cake; couch potato; bread and butter; cry over spilt milk; spill the beans; in hot water; one's cup of tea; with a pinch of salt.

a) Ann loves telling stories, so take everything she says

b) I am sorry that you broke your bicycle, but it's no use

c) Solving Math's problems isfor me.

d) Opera is not exactlyI don't like it.

e) Teaching is my

d) She is fond of lying on bed and watching TV. She is a real

e) Please, don'tand tell my secret to anyone.

2. Соедините идиомы и их переводы.

in hot water — не принимать всерьёз

with a pinch of salt — средства к существованию

a piece of cake — выдать секреты

couch potato — в заботах, хлопотах, в беде

spill the beans — сожалеть о непоправимым

bread and butter — лежебока

cry over spilt milk — что-то лёгкое, элементарное

3. Выберите правильный вариант.

a) Forget about the broken vase! It's no use to cry over spilt **tea/milk**. b) Mike borrowed his dad's watch and lost it-he is in **hot/cold** water. c) You must take anything she says with a pinch of **sugar/salt**. She doesn't tell the truth. d) My younger sister is a coach **potato/vegetable**. She can watch TV 24 hours a day. e) I am an artist on the weekends, but being a tutor is my bread and **cheese/butter**.

Язык и культура: к вопросу о специфике лингвокультурологии

Казымова Лейла Аллахверди гызы, студент
Комсомольский-на-Амуре государственный университет

Автором рассматриваются современные аспекты проблемы «язык и культура». Определяется возможность лингвокультурологии функционировать в роли самостоятельного раздела в лингвистике.

Ключевые слова: лингвистика, культурология, лингвокультурология, язык, культура.

*Моя родина — это французский язык.
Камю А.*

Если язык человека вял, тяжел, сбивчив, бессилен, не определен, необразован, то таков, наверное, и ум этого человека, ибо мыслит он только при посредстве языка. Гердер И.

Язык — это общественное явление, формирующее мировоззрение человека и ценности национальной культуры. А. А. Потебни. «Мысль и язык»

Язык — это одна из самых важных категорий культуры, поскольку именно посредством языка формируется и выражается миропонимание человека. Человек на протяжении всей своей жизни живет в пространстве языка. Однако, язык не является только лишь средством, он также та среда, в которой формируется и живет человек, детерминирующая жизненный опыт. Можно даже сказать, что человек живет как бы внутри языка, постоянно испытывая на себе его влияние.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, и даже, решающую роль в формировании личности, национального характера, народа, нации.

«Отношения между культурой и языком, — пишет Н. И. Толстой, — могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом».

Язык — это человеческий феномен, который связывает жизнь психическую и жизнь общественно-культурную. Психический аспект характеризуется процессами познания, сравнения, обобщения. Общественный аспект, в свою очередь, потому что человек не живет один на необитаемом острове. Он живет среди людей. И общение, в котором он получает и отдает, происходит через язык. Но в чем же заключается культурный аспект?

Язык — зеркало, сокровищница, кладовая, копилка культуры. В нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценно-

стей, мироощущение и видение мира. Он также хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи. Помимо этого язык облегчает адаптацию человека в условиях окружающей среды, помогает правильно оценить объекты, явления и их соотношение, способствует идентификации объектов окружающего мира, их классификации и упорядочению сведений о нем, а также способствует организации и координации человеческой деятельности.

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук — от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии.

Важно отметить, что язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. На основе этой идеи возникла новая наука — лингвокультурология, которую можно и нужно считать самостоятельным направлением и разделом лингвистики. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Лингвокультурология анализирует мыслительные, культурные и психические особенности представителей разных этносов, что позволяет выявить особенности их культурных ценностей, специфику концептов материального и внутреннего мира человека.

Винокур Г. О. отмечал, что всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык [5, с. 211].

Язык является источником народной культуры, психологии и философии, колыбелью истории народа и его духа. В настоящее время общепринята точка зрения, согласно которой в культуре и языке каждого народа присутствуют одновременно общечеловеческий и национальный компоненты. Универсальные значения, одинаково осознаваемые всеми людьми в мире или пред-

ставителями отдельных культур, создают почву для межкультурной коммуникации, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В то же время в любой культуре присутствуют специфические культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т. д. Продемонстрированная выше связь языка, мышления и культуры является частью разработанного в XX в. семиотического подхода к культуре, рассматривающего культуру как совокупность знаков и текстов. Можно сделать вывод, что лингвокультурология — гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальной язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка — быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель — изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

При определении единиц (или текстов) культуры ведущие специалисты в области психолингвистики и лингвокультурологии опираются на теоретическую концепцию «анализа целого по единицам», разработанную Л. С. Выготским. Под единицей той или иной системы Л. С. Выготский понимал «такой продукт анализа, который обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства».

Следует определить основные области, где активно взаимодействуют язык и культура. Данными областями являются: 1) фразеологический фонд языка; 2) мифологизированные языковые единицы: мифологемы, архетипы, обряды, поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) эталоны, стереотипы, символы; 4) паремиологический фонд языка; 5) область речевого этикета; 6) коды культуры; 7) речевое поведение; 8) концепты культуры; 9) ценности культуры.

Следовательно, можно сделать вывод, что единицами языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщили результаты собственно человеческого сознания — архетипического, прототипического, являются мифы, легенды, ритуалы, обряды, фольклорные и религиозные дискурсы, поэтические и прозаические художественные тексты, фразеологизмы, метафоры, символы, паремии, поговорки, пословицы, притчи, афоризмы, идиомы и т. д.

Актуальность их изучения с каждым днем растёт. Обретение особой актуальности данный вопрос приобрел 20 лет назад в значительной степени под влиянием культурно-философских (и уже — лингво-философских) идей М. М. Бахтина и все это время не сходит со страниц гуманитарных исследований, в том числе и лингвистических. Актуальность этой проблемы особенно высока в сфере лингводидактики. Вопросы соотношения языка и культуры естественно встают в процессе обучения иностранного, вообще неродного языка. К культуре возможны исследовательские подходы, с одной стороны, 1) как к феномену мирового, глобального масштаба и 2) как к феномену, существование, развитие и индиви-

дуальная неповторимость которого обусловлены социокультурными и культурно-историческими обстоятельствами и реалиями исторического бытия конкретного народа. С другой стороны, исследование культуры предполагает интерпретацию социокультурной и культурно-исторической информации в аспектах лингвокультурологии, поскольку культурно значимую информацию несут, заключают в себе языковые единицы (и языковые категории). В круге этой (последней) проблематики актуальны два направления научных разысканий: 1) от конкретной языковой единицы к его социокультурной и культурно-исторической интерпретации, национально ориентированной; 2) от достаточно репрезентативного и/или тематически ограниченного, но вполне самостоятельного фрагмента культуры в общем контексте национальной культуры, взятой в целом (например, сфера фольклора) или ограниченной историческими рамками, рамками того или иного раздела культуры (музыка, театр...), жанрово-тематическими рамками (юмор, пародия, литературные и исторические реминисценции) к языковым единицам, выражающим соответствующее смысловое и экспрессивное содержание.

Лингвокультурология как гуманитарная дисциплина всё время взаимодействует с рядом смежных наук и разделов лингвистики, таких как: культурология, лингвострановедение, этнолингвистика, социолингвистика и т. д. Встает вопрос об определении дисциплинарного статуса лингвокультурологии.

Можно выделить два понимания дисциплинарного статуса лингвокультурологии: а) культурологический и б) лингвистический. Согласно первому подходу, лингвокультурология — раздел культурологии и в этом плане должна рассматриваться в тесной связи с этнографией (этнологией), культурной антропологией, философией культуры, исторической культурологией [2, с. 269].

1. Этнография и этнология представляют огромный интерес и для лингвокультурологии, потому что изучают историю возникновения этносов, их культуру и быт. Это, как правило, описательные науки, основанные на сборе и анализе эмпирических данных, необходимых в числе других наук и лингвокультурологии.
2. Такой же описательный характер носит и культурная антропология, изучающая, прежде всего, культуры примитивных, традиционных сообществ, что, несомненно, ценно для этимологии — важнейшего аспекта лингвокультурологических исследований.
3. Философия культуры, изучающая наиболее общие подходы к исследованию сущности, целей и ценностей культуры, условий существования и форм их проявления, представляет собой методологическое основание лингвокультурологии, особенно в той ее части, которая интересуется закономерностями развертывания и выражения смысла культуры.
4. Социология культуры, изучая структуру и функционирование культуры в связи с социальными институтами, помогает осмыслить общественно-исторические условия формирования лингвокультуры.
5. Историческая культурология изучает результаты культурной деятельности человечества, воплощенные

в «текстах» (произведения искусства, трактаты). Ее интересуют главным образом отдельные факты культуры. Культурология же изучает культуру как целостность, в центре ее интересов оказывается не столько сам факт или событие, сколько культурный, человеческий, ценностно-смысловой статус этого факта. Названные объекты настолько близки лингвокультурологии, что без обращения к ним она теряет свои категориальные признаки. И все же лингвокультурология изучает не только и не столько факты культуры, сколько механизмы вербализации культурно маркированного человеческого смысла [3]. История изучает выдающиеся достижения человеческой культуры; культурология изучает культуру как духовное состояние человека и общества (культура повседневности).

Лингвокультурология сосредоточивает внимание на отображении в языке духовного состояния человека и общества. И в этом смысле лингвокультурология по отношению к названным выше смежным наукам выступает как научная дисциплина, обобщающая их данные, определяющая общие закономерности развития лингвокультуры и, тем самым, создающая для них теоретическую и эмпирическую платформу.

Никто не осмелится отрицать обратное влияние: данные лингвокультурологии оказываются весьма ценными и для этнографии (этнологии), и для культурной антропологии, и для философии культуры, и для исторической культурологии.

Согласно первому подходу, лингвокультурная компетентность, изучаемая лингвокультурологией, — феномен культуры, а не феномен языка, следовательно, лингвокультурология есть раздел культурологии, а не раздел лингвистики [4, с. 1–15].

Сторонники лингвистического подхода к пониманию дисциплинарного статуса лингвокультурологии демонстрируют ее общие генетические корни с лингвистикой, связывая ее возникновение с лингвистическими доктринами В. фон Гумбольдта, В. Вундта, Г. Шухардта, А. А. Потебни и др.

В первом случае основными методами лингвокультурологических исследований оказываются методы культурологии; во втором — методы лингвистические. Надо полагать, становление лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины связано с поиском

собственных методологических установок и методов исследования.

Лингвокультурология, согласно В.В. Воробьеву, представляет собой комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [6, с. 36]. Кошарная С.А. определяет лингвокультурологию как научную дисциплину, изучающую процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа [10, с. 24]. В современной русистике сложилось следующее определение лингвокультурологии: лингвокультурология — это научная дисциплина, изучающая процессы и результаты воплощения материальной и духовной культуры в живой язык, взаимодействие языка и культуры. Лингвокультурология является частью этнолингвистики. Специфика лингвокультурологии заключается в том, что она рассматривает взаимоотношения языка и культуры в синхронной перспективе, охватывает не только безэквивалентные единицы.

Таким образом, лингвокультурология, возникшая на «пересечении» ряда смежных наук и разделов лингвистики, таких как: культурология, лингвострановедение, этнолингвистика, социоллингвистика, тесно взаимодействует с ними, но имеет по сравнению с ними свою специфику и свой особый, «интегративный» аспект изучения проблемы «язык и культура». Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей) [6, с. 37].

Лингвокультурология является новой исследовательской парадигмой процесса научно-культурной мысли о языке и культуре. Она не только расширяет диапазон исследовательской идеи, но и позволяет глубже и многограннее осознать ее возможности. Таким образом, лингвокультурология, ввиду широкого круга рассматриваемых вопросов, методов, предметов и целей исследований, заслуживает быть самостоятельным разделом лингвистики.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. — М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Аскольдов, С.А. Концепт и слово. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общей ред. В. П. Нерознака. — М.: Академия, 1997.
3. Болдырев, Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. В.З. Демьянков; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.
4. Вежибицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М.: Языки славянской культуры, 1996.
5. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959.
6. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. — М.: РУДН, 2006.

7. Головлева, Е. Л. Основы межкультурной коммуникации. — Ростов н/Д: Феникс, 2008.
8. Кубрякова, Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: МГУ, 1996.
9. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М.: Academia, 1993.
10. Кошарная, С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса человек — природа в русской языковой картине мира. автореф. дисс. ... док. филол. наук. — Белгород, 2002.
11. Лурье, С. В. Историческая этнология. — М.: Аспект Пресс, 1997.
12. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004.
13. Маслова, В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
14. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. — М.: Флинта: Наука, 2003.
15. Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. — 1999.
16. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. — Воронеж: ВГАУ, 2002.
17. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М.: Языки славянских культур, 2001.
18. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — М.: Слово, 2000.
19. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. — М.: Моск. ун-т, 1995/.

Внутренняя форма слова — мотивирующий признак наименования

Карпова Светлана Евгеньевна, методист, преподаватель русского языка и литературы;
 Васильева Елена Николаевна, зам. директора, преподаватель русского языка и литературы
 Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
 (г. Старая Русса)

В лингвистической литературе понятие «внутренняя форма» употребляется в работах, посвященных словообразованию и семантике, а также этимологии слова. В России понятие «внутренняя форма слова» впервые было подробно разработано в исследованиях профессора А. А. Потебни. По А. А. Потебне, внутренняя форма — мотивирующий, избранный признак названия. В более поздних его работах можно встретить более широкое определение внутренней формы, как семантического содержания лексической и грамматической формы: значение слов в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней формой, иначе способом представления внеязычного содержания [2, 68].

Будем понимать под внутренней формой значения **способ представления в языке внеязычного содержания**. Значение — это то, что отражается данной лексической единицей. **Внутренняя форма — то, как отражается тот или иной факт действительности**. Мысль А. А. Потебни о связи внутренней формы с мотивированностью слова развивает современный исследователь А. И. Федоров [4, 64].

В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего, то есть это остаточный элемент семантики производящей основы в производном слове, передающий представление о признаке, по которому назван предмет, таким образом мотивирующий это название.

Автор не ограничивается определением внутренней формы, он дает перечень языковых единиц слов, характеризующих признаком «мотивированности»:

1. Значение производных слов.
2. Значением слов, образованных в результате конверсии перехода из одной части речи в другую.
3. Мотивированы все значения слов: в них сохраняется элемент производящего значения.
4. Мотивированность проявляет себя в семантике многих устойчивых выражений фразеологического типа, в которых эта мотивированность обуславливается семантикой омонимичных свободных словосочетаний. Понятно, почему хитрого, опытного и трусливого называют — стреляный воробей, а человека, резко выделяющегося среди других белая ворона. Так изложил понятие о внутренней форме А. И. Федоров в своей работе «Образная Речь» [2, 68–70].

Как отмечает М. В. Панов [3, 45–46] — внутреннюю форму имеют два класса слов. Один — это производные слова, то есть слова, образованные от каких-то других слов. Тогда слово, лежащее в основе другого слова и служит мотивировкой для его названия, позволяет ему иметь внутреннюю форму.

Другой класс слов, имеющих внутреннюю форму — слова с переносными значениями.

Таким образом М. В. Панов утверждает, что не все слова имеют внутреннюю форму, **но лишь те, у которых сквозь внешний облик, сквозь их строение просвечи-**

вает мотивировка названия: почему именно так назван предмет, действие или признак:

Шелковая травка-мотивировки нет, а зелёная травка (нежная, гладкая, блестящая).

Яркую внутреннюю форму имеет существительное подоконник.

Смысл его вытекает из его строения, из его формы: под + оконник — (нечто, расположенное под окном).

Как мотивирующий признак наименования внутренней форма проявляется и в глаголах:

— зверствовать — «поступать жестоко, как зверь»,

— попугайничать — «повторять чьи-либо слова, подобно попугаю».

В этом глаголе яркая внутренняя форма — это деривационное значение. Попугай обычно повторяет чьи-либо слова, это родилось из сравнения.

М.В. Панов показывает проявление внутренней формы в словах с **переносным значением**, словах **одной тематической группы**, в словах **близких по значению**, в словах **разных, даже неродственных языков** [4, 68].

В результате анализа этого вопроса М.В. Панов приходит к выводу, что **внутренняя форма — это передача (изображение) какого-либо значения с помощью другого значения**.

Э.В. Кузнецова отмечает, что не обязательным, но возможным компонентом значения производных слов может быть внутренняя форма, или мотивированный признак. Она утверждает, что внутреннюю форму могут иметь только производные слова, они всегда связаны с производящими по своей основе и тем семантическим признакам, которые входят в мотивирующую часть значения.

«Мотивирующая часть, общая для производных и производящих слов, является воплощением их семантической близости» [1, 25–26]. Э.В. Кузнецова показывает, что мотивирующие признаки могут быть прямо представлены в лексическом значении слов в качестве его компонентов:

Литература:

1. Кузнецова, Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. <https://www.twirpx.com/file/230724/>
2. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: Высшая школа. 1990. <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met137/node4.html>.
3. Панов, М.В. О слове как единице языка. — Ученые записки МГПИ В.И. Ленина, 1956, т. 51. вып. 5. М., с. 147. <http://www.refsru.com/referat-351-19.html>
4. Федорова, А.И. Образная речь. Новосибирск., — М.: Наука., 1985 г. <https://chepeccato.ru/261742.html>.

Писарь — «канцелярский служащий, занимающийся перепиской»; письменность — «система графических знаков, употребляемых для писания».

А в других случаях **мотивирующий признак может и не входить в состав основных семантических компонентов лексического значения производных слов**. В этих случаях мы не находим мотивированных слов, хотя связь с ними может быть установлена через посредство других слов, представленных в толкованиях:

одно из значений слова письмо — «текст, посылаемый, передаваемый кому-либо с целью сообщения о чем-либо, изложения своих мыслей, выражения чувств». В толковании нет глагола писать, от которого произведено толкуемое слово, но есть слово текст, которое в словаре «сочиненная кем-либо связанная речь, которую можно воспроизвести в том же виде».

Э.В. Кузнецова показывает случаи, когда мотивированный признак вообще затушевывается настолько, что и не осмысливается носителем языка:

подушка-«подкладываемая под ухо» — мотивированный признак, вообще не входит в лексическое значение слова, даже в качестве малосущественного, сравним его толкование «мешок, набитый пухом, перьями»...

Рассматривая вслед за А.А. Потебней внутреннюю форму слова, как мотивирующий признак, положенный в основу наименования, современные исследователи отмечают следующие особенности проявления этого признака:

1. Мотивированы не все, лишь некоторые слова, таким образом не все слова характеризуются внутренней формой.
2. В производном слове внутренняя форма имеет материальное средство выражения — словообразовательный аффикс.
3. В словах с внутренней формой является компонентом их семантики.
4. Внутренняя форма объединяет семантически производящие с производным.

Основные аспекты лингвориторического анализа эзотерического дискурса (на материале эссеистики Е. В. Головина)

Куликовская Екатерина Николаевна, преподаватель
 Петербургский институт иудаики (г. Санкт-Петербург)

В статье была предпринята попытка применить метод лингвориторического анализа к эссеистике Е. В. Головина. Объектом исследования явился эзотерический дискурс, рассматриваемый с точки зрения категорий античной риторики — Этоса, Логоса и Пафоса — соотносимых с тремя уровнями языковой личности по Караулову. Лингвориторический анализ позволил описать мотивационные установки языковой личности эзотерического типа, обуславливающие выбор ею вербальных средств, проанализировать некоторые концепты, организующие эзотерическую языковую картину мира, а также определить место Е. В. Головина в неоднородной структуре данного дискурса-ансамбля.

Ключевые слова: дискурс, эзотерический дискурс, языковая картина мира, языковая личность, концепт, лингвориторический метод.

Современное языкознание давно отказалось от представления о преимуществе того или иного метода анализа перед другими. Не довольствуясь изучением текста как конечного продукта речепроизводства, антропоцентрическая лингвистика и дискурсология поставили в центре исследования «*homo loquens*» как сложное единство, реализующее себя в рамках речевого акта, описываемого классической схемой Р. Якобсона [Кощей, Чувакин 2006]. Стремление к комплексному анализу языковой личности, транслирующей реципиенту свои убеждения и ценности с целью достижения определённого перлокутивного эффекта при помощи наиболее подходящих для этого вербальных средств, возвратило исследователей к истокам — к античной риторике, в которой вышеперечисленные уровни коммуникации описывались в категориях Этоса, Логоса и Пафоса [Рождественский 1997]. Следствием неизбежной полипарадигмальности такого подхода явился поиск интегративного метода, позволившего бы объединить в себе методы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, прагматики и других дисциплин.

Такой метод был разработан и применён А. А. Ворожбитовой [Ворожбитова 2015]. Лингвориторический подход подразумевает анализ трёх уровней структуры языковой личности: вербально-семантического, лингво-когнитивного и мотивационного, соотносимых с тремя параметрами речевого произведения, выделенных Ю. Н. Карауловым, и упомянутыми категориями античной риторики [Караулов 2010]. Дискурс, понятый как коммуникативный акт, в котором воспроизводится идеология и культура, становится объектом исследования в качестве «общего языка», использование которого обеспечивает взаимопонимание между участниками коммуникации, имеющими общую картину мира [Ван Дейк 2015].

Это становится наглядным при рассмотрении такого вида дискурса, как эзотерический, где отбор вербально-семантических средств, маркирующих определённое мировоззрение, носит особенно специфичный характер по причине принципа «тайны», лежащего в основе

Этоса данного дискурса. «Эзотерическое» содержание определяется как «сокрытое», предназначенное для избранных, и поэтому требует особого кода, ключом к дешифровке которого обладают только посвящённые. При этом эзотерический дискурс не является однородным: разные эзотерические традиции используют не только различный арсенал вербальных средств, но и имеют различное концептуальное содержание.

Из сказанного выше следует, что первостепенной задачей исследователя эзотерического дискурса является определение границ материала. Любой дискурс всегда имеет центр и периферию. В случае с эзотерическим дискурсом мы предлагаем выделять несколько центров, каждый из которых представлен ядерными текстами традиции: также, помимо ядра, каждый подвид эзотерического дискурса имеет субъядро, составленное из сочинений авторов, работающих в рамках данной традиции. Для определения границ подвида дискурса наибольшее значение имеют субъядерные тексты, поскольку именно в них задаются пределы интерпретации ядерного текста, чаще всего древнего, обладающего сакральным статусом и подлежащего множеству толкований. На периферии подвиды эзотерического дискурса пересекаются, образуя так называемый квазиэзотерический или псевдоэзотерический дискурс, представленный популярной эзотерической литературой, где элементы различных традиций произвольно смешиваются. Именно периферия эзотерического дискурса является в данный момент наиболее полно исследованной с лингвистической точки зрения, в то время как центральные, а также комментирующие их тексты остаются практически неизученными.

Так, представляется возможным выделить внутри западной эзотерической традиции герметико-алхимический дискурс, ядро которого представлено «Герметическим корпусом», приписываемым Апулею диалогом «Асклепий» и «Антологией» Стобея. К субъядру герметико-алхимического дискурса относятся тексты, написанные европейскими алхимиками средневековья (Василий Валентин, Парацельс и др.) и Ренессанса (Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола), а

также более поздними авторами. Все эти тексты имеют общие целевые установки, мотивационную направленность, концептуальную и символическую системы: следовательно, этосно-мотивационно-диспозитивные, логосно-тезаурусно-инвентивные и пафосно-вербально-элокутивные параметры, выявленные при лингвориторическом анализе одного речевого произведения, созданного герметическим автором, могут быть актуальны также и для других произведений в рамках данного дискурса.

В XX веке поднимается новая волна интереса к герметике и алхимии: в 1933 году Европе был основан международный клуб «Эранос», членами которого стали всемирно известные мыслители, занимавшиеся академическим изучением оккультизма. Среди них был К. Г. Юнг, давший психологическую интерпретацию алхимических символов. В это же время в Париже Э. Канселье публикует труды современного алхимика под псевдонимом Фулканелли. Над тайнами герметики размышляют такие мыслители-традиционалисты, как Р. Генон и Ю. Эвола; выходят современные тексты, интерпретирующие средневековые трактаты. В России герметико-алхимические идеи получили развитие в семидесятые годы в трудах участников «южинского кружка», оккультного сообщества, лидером которого был Е. В. Головин, мыслитель, филолог и поэт. Применение лингвориторического метода к анализу эссеистики Головина позволит не только охарактеризовать специфику герметико-алхимического семантического пространства как особой разновидности эзотерического дискурса, но и описать особенности интерпретации западной герметико-алхимической традиции русской языковой личностью эзотерического типа.

Таким образом, в центре нашего внимания будет находиться языковая личность Е. В. Головина с точки зрения этосно-мотивационно-диспозитивных, логосно-тезаурусно-инвентивных и пафосно-вербально-элокутивных параметров воспроизводимого ею дискурса (см.: [Ворожбитова, Хачатурова 2014]). Описывая Этос эзотерического дискурса в эссеистике Головина, мы должны, с одной стороны, проследить отражение общих нравственно-философских установок герметизма у Головина и, с другой стороны, определить место Головина в широком пространстве эзотерического дискурса. Этосный анализ предполагает исследование экстралингвистического контекста, в котором работал Головин, а также мотивационных установок автора и его окружения: при этом должно учитываться не только влияние социокультурного фона на восприятия автором герметико-алхимических идей, но и наоборот — влияние Головина на российский эзотерический дискурс. Выявление логосно-тезаурусно-инвентивных параметров позволит построить инвентивную сетку концептов, обусловленную данным Этосом; наконец, анализ пафосно-вербально-элокутивных параметров даст возможность описать лексические, стилистические и другие характеристики герметико-алхимических текстов новейшего времени, а также индивидуально-авторские особенности Е. В. Головина как эссеиста.

I. Этос

Как указывает А. Февр, важнейшим признаком эзотерического мышления является вера в существование тайного знания о невидимых связях между всем сущим, постижимого только на опыте [Февр 2018]. Данный мистический опыт предполагает обращение ко внутреннему миру, противопоставленного внешнему, ценности которого признаются неудовлетворительными, а эзотерические духовные учения — не ведущими к освобождению личности. Самопознание осуществляется при помощи использования определённых психо-, магических и ритуальных техник, содержание которых скрывается от непосвящённых. Это резко отличает эзотерический дискурс от квазиэзотерического и показывает, что их мотивационные установки прямо противоположны: если первый стремится как можно надёжнее спрятать, зашифровать информацию, чем обусловлен выбор вербальных средств, то второй, напротив, направлен на привлечение как можно большего количества последователей, вследствие чего изложение должно быть максимально ясным. Однако принцип секретности, лежащий в основе Этоса данного вида дискурса, проявляется не только в ограничении доступа к некоему знанию, но и в закрытости, «герметичности» самой природы, которая раскрывает свои тайны не всем, а только избранным, в трансцендентности и непостижимости «иного мира», манифестацией которого является, по мнению эзотеристов, материальная реальность. Такое представление о трансцендентном проводит ещё одну грань между эзотеризмом и популярной эзотерикой: для последней «иное» имеет энергийную сущность, схожую с сущностью физических сил, а значит, вполне познаваемо рациональным способом [Панкратов, Фесенкова 2001].

Мы видим, что основными характеристиками Этоса эзотерического дискурса, в отличие от квазиэзотерического (дискурса массовой эзотерической литературы) являются: тайна как условие, сопутствующее функционированию данного дискурса в историческом смысле, и тайна как неотъемлемое свойство трансцендентной реальности, познание которой, ведущее к преобразению познающего, является мотивационной установкой личности эзотерического типа. С одной стороны, стремление к кодированию, «шифрованию» информации, с другой стороны, иррационализм и обращение к интуиции реципиента обусловили сознательное затемнение смысла при помощи символов, мифов, аллегорий и других средств. Это особенно ярко проявилось в средневековых герметико-алхимических трактатах, переживших в Европе эпоху инквизиции.

Именно к данным трактатам обратились в 70-е годы XX века участники южинского кружка — Евгений Головин, Юрий Мамлеев, Александр Дугин и другие. Живому интересу к малопонятным трудам оккультистов прошлого, практически не переводившимся тогда на русский язык и неизвестным широкой публике, способствовали критическое отношение южинцев к современной цивилизации (в особенности к механицизму и научному позитивизму), неверие в научно-технический прогресс

и утверждение необходимости непрерывного духовного поиска. В дискурсе южинского кружка эзотерические представления смешиваются с традиционализмом, радикальным имморализмом, увлечением античностью и серебряным веком. При этом, если философско-политические темы полнее всего были раскрыты у Дугина и Мамлеева, то герметико-алхимические мотивы получили наибольшее развитие в эссеистике Головина.

В своих произведениях Е. В. Головин интерпретирует труды неоплатоников Плотина, Ямвлиха, Синезия, Гиеврокла Александрийского, мистиков и алхимиков Якоба Бёме, Теофраста Парацельса, Джона Ди, а также канонические для герметизма тексты, приписываемые Гермесу Трисмегисту, и работы алхимика новейшего времени Фулканелли. При этом данная интерпретация не носит характера комментария — герметико-алхимические воззрения органично вплетаются в ткань повествования, становясь точкой отсчёта для авторских рассуждений, осуществляемых на том же языке, с применением той же терминологии и символики. На основании этого, по нашему мнению, эссе Головина следует отнести к субъядру герметико-алхимического дискурса: при этом представляет интерес тот факт, что Головин стремится интерпретировать с эзотерической точки зрения таких авторов, как Рембо, Эдгар По и др., накладывая на их тексты алхимическую семиотическую систему: данный вид интерпретации требует отдельного исследования.

II. Логос

В силу специфики этосных параметров герметико-алхимического дискурса, его инвентивная сетка не может быть представлена в виде тезауруса концептов, каждый из которых имеет заданное значение. В эзотеризме содержание концептуализируется при помощи символа — сложного целого, чьё назначение не исчерпывается кодированием денотата: сама по себе функция указания на сверхреальное, которой обладает символ, превращает его для эзотериста в способ постижения невыразимого. Так, концепт «вечность» может быть выражен символом уробороса (змея или дракона, кусающего себя за хвост); однако тот же символ может в других контекстах символизировать материальный мир или идею «всего во всём» [Юнг 2008], в чём проявляется уже упомянутая особенность конструирования эзотерической реальности — поиск соответствий — выделенная Февром. Символ в эзотерическом дискурсе находится на стыке Логоса и Пафоса как идея, неотделимая от своего вербального выражения.

Аналогия как принцип эзотерического мышления ярко проявляется в инвентивной сетке (от лат. *inventio* — «отбор») дискурса Е. В. Головина. Для примера кратко рассмотрим следующие концепты: «женщина», «мужчина» и «путь».

1) Концепт «женщина»

По причине указанного принципа аналогии, концепт понимается чрезвычайно широко. В интерпретационном поле концепта «женщина» оказываются определённые научные тенденции, архетипические и литературные об-

разы, человеческие качества, свойства, приписываемые предметам и многое другое.

Основой интерпретации является мифологический образ Великой Матери, Матери-Земли. Так, позитивизм и ньютоно-картезианская парадигма трактуются как «женские» научные направления, а «гео-графия, гео-метрия, гео-логия» — как «женские» науки; в качестве категории философского мышления «женщина» сопоставляется с материей; с «женщиной» ассоциируются такие свойства мышления, как дихотомичность, амбивалентность, рационализм, и такие человеческие качества, как «скованность, пассивность органов чувств». «Женскими» свойствами и характеристиками являются «плотность, осязаемость, тяжесть», «лишённость», «весомое, стабильное, телесное». Субъект, носитель указанных свойств, приобретает «хтоническую ориентацию бытия» и получает метафорическое наименование «сына матери».

Автор даёт весьма подробную мифологическую и символическую интерпретацию концепта. Согласно воззрениям сакральной антропологии, Головин осмысляет левую часть человеческого организма как «женскую», географическим соответствием «женщины» выступает Южный полюс или «периферия», астрологическим — Луна, наконец, алхимическим — Меркурий (ртуть). В мифологических системах концепт «женщина», по Головину, лучше всего представлен в образах Цирцеи, Деметры, Геры, а в литературе — в образе Нана из романа Золя.

Контекстуальными синонимами концепта являются «низший мир», «подлунный мир», «Ночь», «Бездна». Автор самостоятельно приводит следующую дефиницию концепта: «диагональный, извилистый, левый, зловещий, женский, земной». Из этого явствует, что концепт «женщина» коннотирован сугубо отрицательно.

Однако в некоторых контекстах концепт «женщина» приобретает противоположные коннотации: «сестра», «*soror mystica*», «*materia prima*», «*hyle*» (применительно к которой используется эпитет «драгоценная»), «наша Диана», Дева, «Прекрасная Дама», «Гестия». Данная амбивалентность концепта, а также условия контекста, в которых концепт полностью меняет своё означаемое, требуют детального изучения.

2) Концепт «мужчина»

Концепт «мужчина» противопоставлен концепту «женщина» и коннотирован положительно. Авторская дефиниция концепта: «прямой, правильный, правый, мужской, небесный». «Мужское» мировоззрение, антагонистичное «женскому» рационализму, — дионисизм. С философской точки зрения «мужчина» ассоциируется с «логосом» или «эйдосом». «Мужские» свойства — «неожиданность, случайность», процессы — «растворение, размытие; плавание; опьянение». Носители данных свойств определяются как «сыновья отцов».

Мужскими стихиями являются у Головина Воздух, Вода, Огонь (что не совсем характерно для «канонической» эзотерической интерпретации, в которой Вода и Земля соотносятся с женским началом, Воздух и Огонь — с мужским). С точки зрения сакральной ан-

тропологии «мужской» именуется правая сторона тела, с точки зрения сакральной географии — центр или Северный полюс (мифические материки Гиперборея, Гелиодея), его астрологическое соответствие — Солнце, алхимическое — Сульфур (сера). Мифологически «мужчина» — это отец-Океан, архетипически — «воин».

Эти два концепта моделируют двухполюсную эзотерическую реальность, так называемую «магическую географию» (термин Е. В. Головина), и противопоставляются друг другу, обозначенные соответственно как «Юг» («Южный полюс») и «Север» («Северный полюс», «Норд»). Они же и выстраивают логику взаимодействия тезаурусных элементов: в пространстве между ними развёртывается рассуждение, чаще всего выстроенное антитетически и представляющее собой движение от одного «полюса» к другому. Все явления действительности, становящиеся объектом размышления, образуют, таким образом, систему бинарных оппозиций и тяготеют или к «мужскому», или к «женскому»: «добро» и «зло», «мечта» и «реальность», «этот свет» и «тот свет», мифоманы и энтузиасты, «да» и «нет», «рацио» и «дионисизм», «работа» и «отдых», «жизнь» и «смерть», «мажор» и «минор», «повиновение» и «бунт», «верность» и «измена», «взлёт» и «падение» и т. д.

3) Концепт «путь»

Появление концепта «путь» у Головина вызвано отрицательной оценкой вышеописанной дихотомичности. С этим дуализмом тесно связан важнейший для философии Головина концепт «смерти» или «ничто». Монотеизм и двухполярный мир оценивается негативно как результат падения, следствием которого является смерть. Следовательно, преодоление смерти возможно только в результате преодоления монотеизма и дуализма, и оно является мотивацией для начала движения по «пути».

Целью мистического «пути», по Головину, является достижение центра, происходящее благодаря исчезновению дихотомии «мужское-женское» «Я — не-Я», внутреннее-внешнее — процессу, известному в алхимии как «химическая свадьба» или «создание гермафродита» — в результате чего восстанавливается первоначальное единство, сопоставимое с Атманом индуизма и Самостью по К. Г. Юнгу. Концепт «путь» интерпретируется как «лабиринт»; в то же время часто соотносится с геометрическим образом «линии»: «Линия Логоса», «индивидуальный меридиан», «силовая линия».

Данный образ линии, как и образ центра, связан с архаическими представлениями о «центре мира» и «мировой оси» и представляет интерес в качестве элемента мифологического дискурсивного пласта, лежащего в основе любого эзотерического учения.

III. Пафос

Итак, мы проследили взаимосвязь логосно-тезаурусно-инвентивных и этосно-мотивационно-диспозитивных параметров герметико-алхимического дискурса и показали, как идея тайны обуславливает Логос эзотеризма. Точно так же выбор вербальных средств (Пафос) обусловлен Этосом: в первую очередь, это относится к алхимической терминологии.

Наиболее частотны в эссеистике Головина следующие термины: Меркурий (ртуть), Сульфур (сера), Малый и Большой Магистерий, «белый меркурий», «нигрето», «альbedo», «рубедо», «*augum potabile*», «белая магнезия», «чёрная магнезия», «белый сульфур», «чёрный сульфур», «эфир», «сын философов», «потенция лунного серебра», «кальцинация» и «сепарация», «азот, витриоль», «*conjunctio oppositorum*». В дальнейшем нам необходимо будет определить эти термины и обозначить их места в языковой картине мира Головина.

Сознательной установкой на иррационализм пронизано эссе «О магической географии», в котором автор отказывается от толкования мифологических образов, прямо формулируя необходимость «познавать неизвестное через ещё более неизвестное». Многочисленные тропы и фигуры, используемые автором, зачастую служат решению именно этой перлокутивной задачи — вызвать у реципиента стойкую неприязнь по отношению к рационализму и рациональному познанию и убедить в необходимости самостоятельного размышления над мифом или символом.

Так, широко распространена у Головина антитеза, зачастую расширяющаяся до композиционного приёма, подчиняющего себе всю структуру произведения; с распространённостью антитезы связаны многочисленные контекстуальные антонимы, например «испытывая бешеную страсть к женщине, надлежит это скрыть, тактически рассеять неистовый порыв в круговых приближениях, в мелких полезных подношениях»; встречается также терминологизация таких антонимов в рамках эссе: «организм» и «механизм» и др. Ту же критическую, полемическую функцию выполняет негативно окрашенная экспрессивная лексика: «дикая мысль», «подлое человеческое месиво», «абсурды», «нелепости», «убожество», «чуть», «ужасающий»; развёрнутая метафора: «мы — стадо, погоняемое кнутом банды политиканов и финансовых корпораций, марионетки кукольного балагана, опилки да песчинки круговерти ведомых либо неведомых сил»; ирония: «при таком положении дел кратковременные каникулы надлежит использовать разнообразно усладительно, стараясь избегать потрясительных для здоровья эмоций»; синонимические ряды и т. д.

Выводы

В эссеистике Головина мы наблюдаем дискурс как сконструированное семантическое пространство, где при помощи сетки концептов, имеющих синонимы в мифологических, философских, религиозных, мистических течениях, автор реализует собственные задачи, добиваясь перлокутивного воздействия на читателя, знакомого с данными системами или с какой-либо одной из них. Мы относим тексты Головина к субъядру герметико-алхимического дискурса: однако этот дискурс в произведениях Головина претерпевает изменения под влиянием российского социокультурного фона и менталитета, философских учений XX века и собственных убеждений автора; данные изменения требуют отдельного исследования.

Важнейшим аспектом лингвориторического анализа является описание этосных особенностей дискурса: для эзотеризма мы определили их как веру в тайные соответствия, существующие в природе, сокрытость знания об этих соответствиях от непосвящённых (незнакомых с семиотической системой) и установку на иррациональное познание, ведущее к трансформации и освобождению личности. Данный Этос обуславливает Логос и Пафос эзотерического дискурса в целом и герметического дискурса в частности. Тайна и иррационализм становятся причиной кодирования концептуального содержания при помощи символов и мифов; при этом, в силу поиска соответствий (мышления по аналогии), интерпретационное поле концепта оказывается необычайно широким. Теми же этосными особенностями определяется выбор вербальных средств: специальная терминология, заимствования, тропы и фигуры, позволяющие реализовать полемическую стратегию, и т. д.

Сформулированными здесь аспектами не исчерпываются возможности лингвориторического метода в его применении к эссеистике Е. В. Головина. Дальнейшая работа будет заключаться в составлении полного тезауруса герметико-алхимических концептов-символов и выявлении логики их взаимодействия в авторской языковой картине мира, а также определении степени зависимости их интерпретации от трактовок, содержащихся в герметико-алхимических и других авторитетных для Головина текстах, и убеждений самого автора. Необходимо подробно охарактеризовать пафосно-вербально-элокутивные параметры эзотерического дискурса в текстах Головина и установить их связь с коммуникативными задачами автора. Таким образом, исследование должно проводиться в двух направлениях: сначала мы охарактеризуем языковую картину мира Головина как эзотерическую (герметико-алхимическую), а затем изучим влияние на неё Головина как мыслителя, чьи интересы не исчерпываются герметизмом и алхимией.

Литература:

1. Головин, Е. В. Ослепительный мрак язычества: Дионис. — URL: <http://golovinfond.ru/content/oslepitelnyy-trak-yazychestva-dionis> (дата обращения: 01.09.2018).
2. Головин, Е. В. Антарктида: синоним бездны. — URL: <http://golovinfond.ru/content/antarktida-sinonim-bezdny-ob-ero> (дата обращения: 01.09.2018).
3. Головин, Е. В. Франсуа Рабле: вояж к Дионису. — URL: <http://golovinfond.ru/content/fransua-rable-voyazh-k-dionisu> (дата обращения: 01.09.2018).
4. Головин, Е. В. Спящая красавица. — URL: <http://golovinfond.ru/content/spyashchaya-krasavica> (дата обращения: 01.09.2018).
5. Головин, Е. В. — URL: Некоторые особенности лабиринта. <http://golovinfond.ru/content/nekotorye-osobennosti-labirinta> (дата обращения: 01.09.2018).
6. Головин, Е. В. О магической географии. — URL: <http://golovinfond.ru/content/o-magicheskoy-geografii> (дата обращения: 01.09.2018).
7. Головин, Е. В. Человек и его горизонт. — URL: <http://golovinfond.ru/content/chelovek-i-ego-gorizont> (дата обращения: 01.09.2018).
8. Головин, Е. В. Современный миф. — URL: <http://golovinfond.ru/content/sovremennyy-mif> (дата обращения: 01.09.2018).
9. Ван Дейк Т. 2015 — Ван Дейк Т. [Van Dijk Teun] Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — 2. — М.: Либроком, 2015. — 352 с.
10. Ворожбитова 2015 — Ворожбитова А. А. Дискурсивные процессы литературно-художественной коммуникации и тип литературной личности «писатель русского зарубежья»: лингвориторический подход. // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2015. — № 20. — с. 11–17.
11. Ворожбитова, Хачатурова 2014 — Ворожбитова А. А., Хачатурова Н. Ю. Лингвориторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа XX — XXI вв.. — 2. — М.: Флинта, 2014. — 113 с.
12. Карасик 2002 — Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
13. Караулов 2010 — Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — 7. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
14. Кощей, Чувакин 2006 — Кощей Л. А., Чувакин А. А. Ното Loqueps как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. — 2006. — № 1. — с. 8–20.
15. Панкратов, Фесенкова 2001 — Панкратов А. В., Фесенкова Л. В. Юнгианство и оккультизм // Дискурсы эзотерики. Философский анализ. / под ред. Л. В. Фесенковой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — с. 201–214.
16. Рождественский 1997 — Рождественский Ю. В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — 597 с.
17. Февр 2018 — Февр А. [Faivre A.] Западный эзотеризм. Краткая история. Пер. с франц. — М.: Castalia, 2018. — 234 с.
18. Юнг 2008 — Юнг К. Г. [Jung C. G.] Психология и алхимия. Пер. с англ. — М.: АСТ, 2008. — 608 с.

Экономический текст как особый тип текста

Лядашева Елена Дмитриевна, соискатель

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

Экономический текст представляет собой особый тип текста, предназначенный для фиксации, хранения и передачи экономических знаний, выступающий как вербальный результат предшествовавшей его созданию экономической дискурсивной деятельности.

Специфика экономического текста определяется его информационной насыщенностью, наличием эффективных приемов и способов рационального рассуждения и аргументации по поводу определенного экономического события, а также представлением в нем аспектов экономического прогнозирования [1; с. 93].

Экономический текст — подвид научного текста. Содержанием текста является описание фактов, процессов явлений действительности. Логико-композиционная организация материала в данном случае есть, в сущности, программирование воздействия на аудиторию, и, прежде всего понимания.

В настоящее время неудовлетворенность авторов — литературоведов и лингвистов, состоянием разработки понятия композиции очевидна. В общем, ни в литературоведении, ни в лингвистике текста не создана целостная теория композиции.

Так, композиция понимается В. В. Одинцовым и как «каркас», на котором держится текст и, одновременно, как «группировка по определенной схеме элементов содержания общих положений, фактов». У автора довольно часто в качестве синонима в значении «композиция произведения» встречается и термин «архитектоника». Архитектоника — соразмерное расположение частей, гармоничное сочетание их в единое целое как художественное выражение композиционных закономерностей какого-либо строения или произведения.

Представляя собой сложную динамическую систему, направленную на передачу определенной информации, экономический текст, как базовый информационный элемент, принимает стандартную композиционную схему, включающую в себя заголовок, вводную часть, основную часть и заключение. Каждая часть выполняет свою определенную функцию, имеет свои целенаправленности, передавая смысл текстового сообщения с нарастающей подачей информации, предполагая, тем самым, последовательно-интригующую презентацию определенного экономического события и вызывая постепенно усиливающийся интерес к нему у читателя.

При исследовании содержания экономического текста необходимо, прежде всего, акцентировать внимание на проблеме общей смысловой структуры текста, решение которой требует систематизации содержательного компонента экономического текста, представляющего собой языковую реализацию его основных смысловых параметров.

Под смысловым параметром понимается репрезентация той или иной базовой цели экономического текста.

В данных текстах информация легко декодируется, поскольку здесь форма несет в себе содержание, предопределенное ей системой языка. Она нейтральна, так как выполняет свое, закрепленное за ней задание, а именно — передача получателю сведений о событиях происходящих, происшедших или которые будут происходить в ближайшее время. Данная форма сообщения обладает выраженными указателями временного и пространственного характера. Следовательно, данные тексты содержат в себе содержательно-фактуальную информацию.

Нельзя не заметить, что информация в данном тексте является результатом определенных наблюдений, дискуссий, размышлений, т. е. результатом переосмысления указанных отношений, событий, фактов, процессов, происходящих в обществе, и поэтому приобретает концептуальность.

По мнению И. Р. Гальперина, название обладает способностью ограничивать текст и наделять его завершенностью. Это его ведущее свойство. Оно не только является сигналом, направляющим внимание читателя на перспективное изложение мысли, но и ставит рамки такому изложению. Текст ограничен во времени и пространстве.

Фрагмент выстроен четко, в чём сказывается мастерство автора. Каждое предложение получает подлинную жизнь только в контексте строфы. Это подтверждает смысловая и синтаксическая связь между предложениями. Остальные предложения присоединяются к зачину и раскрывают его смысл.

В целом фрагменты, состоящие из двенадцати прозаических строф, представляют собой смысловое и синтаксическое единство. Прозаические строфы выделены в абзацы. Абзацы придают тексту размеренность, обдуманность.

Внутритекстовые связи в экономических текстах обеспечивают, например, слова: рост, отчет, ставка. Повтор данных слов постоянно возвращает нас к названию текста, что помогает проникнуть в смысл статей, а также вырабатывает преемственность, связь между частями текста, его предложениями, абзацами, обеспечивает логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, действий [5; с. 14].

Как известно, внутритекстовые средства связи классифицируются по разным признакам. Кроме традиционно-грамматических, несущих текстообразующую функцию, их можно разделить на логические, ассоциативные, образные, композиционно-структурные, стилистические и ритмико-образующие.

К традиционному грамматическим признакам относятся встречающиеся в тексте союзы и союзные изречения: однако, кроме того, тем не менее; местоимения: то, тем; причастные обороты, деепричастные обороты. Пере-

численные грамматические средства внутритекстовых связей служат не только для связи между предложениями, но также и для связи между более крупными отрезками текста — абзацами.

Пространственно-временными параметрами сообщения являются следующие наречия: все еще, которые сцепляют отдельные события, придавая им достоверность. Такую же функцию выполняют слова: за многие годы, в течение предстоящих лет, во втором квартале, с первым кварталом, в конце прошлого года, за прошедший день.

Перечисленные средства считаются логическими потому, что укладываются в логико-философские понятия — понятия последовательности, временных, пространственных отношений. Эти средства легко декодируются и поэтому не задерживают внимание читателя, разве только в тех случаях, когда выявляется несоответствие сцепленных представителей и самих средств внутритекстовых связей. Именно в логических средствах наблюдается пересечение грамматических и текстовых форм связи. Можно сказать, что в логических средствах

наблюдается одновременная реализация двух функций: грамматической и текстообразующей [5; с. 15].

Ассоциативная, образная, композиционно-структурная формы внутритекстовых связей характерны для художественной литературы, и поэтому не получили своего отображения в данных текстах.

Особой степенью зависимости обладают цитаты, приведенные в экономических текстах, например:

— «Условия для экспортного сектора Германии остаются благоприятными в свете быстро растущей мировой экономики», — говорится в отчете.

— «Каждый участник рынка ожидает, что Трише намекнет на повышение ставки в июне, но есть и риск того, что его выступление может быть недостаточно агрессивным».

На независимость цитат указывают графические средства — кавычки. В приведенных примерах цитаты служат для подкрепления реалистичности событий и собственных мыслей автора.

В центре содержания только факты, которые излагаются без общих фраз и рассуждений.

Литература:

1. Голякова, Л. А. Текст, контекст, подтекст. — М.: Гардарики, 2004.
2. Залевская, А. А. Текст и его понимание. — Волгоград: Перемена, 1998.
3. Кодухов, В. И. Введение в языкознание. — М.: Просвещение, 1997.
4. Лотман, Ю. М. Структура текста. — М.: Просвещение, 1990.
5. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста. — Волгоград: Перемена, 2006.

Лексическая коннотация в русских народных говорах

Топорков Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

В статье дан анализ коннотативных сем в народных говорах русского языка. Описаны основные особенности реализации коннотативных значений: специфика распределения значений по денотативным зонам, виды семантических, дискурсивно-идеологических и грамматических трансформаций значений слов.

Ключевые слова: коннотация, народные говоры, денотат, сигнификат, оценка

Анализу понятия «коннотация» посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей: Ю. Д. Апресяна, И. А. Арнольд, В. И. Говердовского и др.

Несмотря на обилие трактовок, в лингвистике не выработано единого, общепризнанного понимания данного явления. Мы в нашей работе опираемся в основном на определение, предложенное Ю. Д. Апресяном: «...коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1: 159].

Среда народных говоров отличается от общегородской среды в том числе и в характере оценочных значений. Такие особенности реализации значений от-

ражают особенности общественной идеологии среды народных говоров, т. е. крестьянского мира с его системой ценностей, объектов и субъектов оценки, распределением оценочных значений по типам и др.

1. Распределение по объектам оценки — основаниям метафорического и метонимического переноса.

Коннотации в этом случае могут опираться на различные характеристики объекта:

Бандура 1. Грубо сделанный, домашней работы музыкальный инструмент 2. Балалайка 3. Дурень, глупец, олух 4. Толстая и неуклюжая женщина высокого роста 5. О худом, сухощавом человеке

Барка 1. Лодка с низкими бортами 2. Полная женщина
Такие оценочные созначения могут способствовать развитию оценочных метонимических значений.

Ср.: *соха* 5. о трулюбивом, старательном человеке
баран 4. Перен. Прозвище человека, уличенного в краже овец

горемыка 2. Алкоголь, водка

Ряд зоонимов получает в говорах коннотации, не характерные для литературного языка.

Баранья совесть. Об отсутствии совести

Коза 3. О живой, подвижной, бойкой девушке 5. О мотоциклисте

Козёл 4. О бойком, живом человеке 6. Важничающий щёголь

Такие семантические особенности сопровождаются грамматическими и словообразовательными отличиями.

Лось 2. О женщине высокого роста Вона она лось какая! Ср. общелитературный вариант: *такой* лось.

Лосяк Высокорослый человек

В литературном языке коннотации выявляются только в производных, в диалекте — в производящем слове.

Ср.: *Собака* 2. о человеке, любящем браниться

В общелитературном языке (разговорная речь/просторечие): *собачиться*.

2. Семантические трансформации

А. Качественно — количественные трансформации

Белый 2. носящий одежду не домотканую, а купленную в магазине 3. хороший (о жизни)

Серый Простой, грубый, примитивный, без отделки. *Серая* посуда. Глиняная посуда, не обливная, без глазури. *Серая* работа. Грубая, топорная работа. *Серый* квас. Постная, без мяса окрошка.

В ряде случаев возникают качественно-количественные переносы.

Ср.: *краснёхочко* — очень много; *краснобаить* — болтать, много говорить

Аналогичные переносы в области перцептивной лексикой: *Горький* в форме сравн. ст. 3. хуже, тяжелее 4. больше, сильнее

Горько 2. Очень сильно. *Горько* мне надо 3. Безл. сказ. Крайне необходимо. *Горько* надо в лес по дрова ехать.

Ср. также коннотацию прилагательного сладкий, отмечаемую и в литературном языке: 6. Сладкий. Приятный, милый, хороший (о человеке).

Женина родня слаще. Влад. Иван. Сладкий приятель. Закадычный друг. Судж. Курск., 1915.

Сладкая родня. Родственники жены. *У него здесь теща* — *сладкая родня*. Киржач., Покр. Влад., 1910.

Солоний. Приятный на вкус. *Каждому сатаны свои пули* [сопли] *солонь* (пословица). Мурман., 1979.

Кислый 7. угрюмый 8. Кислый человек. Апатичный, недеятельный человек, плохой, неповоротливый работник 11. Кислое слово. Неприятное слово.

Ср. также: синий в т. ч. грязный, запачканный *синевутильный* фольк. эпитет длинных худых ног синюха 27. о неряшливой, нечистоплотной женщине синюшка 23. о слабом, бледном, нездоровом на вид человеке

сивый 3. слабый, болезненный (о животном)

2. Семантико-грамматические трансформации
А. Изменения в распределении по денотативным зонам

Ад 1. Пасть, горло, глотка, рот. Заткни свой ад. Молог. Яросл., Копорский, 1926. 2. О громком голосе, о крикуне. Обзывание крикуна. Экой ад широкой! Вят., Васнецов, 1907. 3. О ненасытном человеке, обжоре. Бранно. 4. Непроходимая грязь.

Непропёка 1. Непропечённый хлеб, пирог и т. д. 2. Неповоротливый, нерасторопный, ленивый человек 3. Беспробудный пьяница 4. Бранное слово

Б. Грамматические трансформации

В некоторых случаях коннотативные значения сохраняются при изменении грамматических значений.

Адово «что-либо злое, нехорошее»; «скверно, подло, зло».

Ересь 1. Суеверие 2. Злой, мстительный человек 4. Беспокойство, горячность 5. Горячий, вспыльчивый человек 6. Капризы, капризное поведение 7. Капризный, беспокойный ребёнок. 8. Ссора, тяжба 9. Ругань, брань 10. Спорщик, смутьян, любитель ссор 11. Сварливость, брюзгливость

Б. Изменение типа оценочного значения

Клёвый 1. Красивый, статный, дородный 2. Добротный, хорошего качества, дорогой, ценный 3. Выгодный, прибыльный; удачный, подходящий 4. Хороший, стоящий (о человеке) 5. Ловкий, смыслённый, толковый 6. Образованный 7. «Простой, лёгкий, не заслуживающий внимания»

Отмечены случаи преимущественного влияния коннотативного значения в словообразовательном процессе.

Ср.: *Ерза* «тот, кто ёрзает, непоседливый человек» (мотивационная связь с общелитературной лексемой); дальнейшее значение: «подлый человек, подлец» — не мотивировано производящей основой (ср. *ерзать* в одном из значений «изыскивая всевозможные средства, добиваться чего-либо, домогаться»), опирается на отрицательную коннотацию.

3. Дискурсивно-идеологические трансформации

Аглицкий 2. О предметах обихода: заграничный или добротный русский. Аглицкие косы, вилы, топоры и т. п. Сев.-Двин.

другие значения номинативные

Армизон 1. Армизоны Сказочный народ... 2. Знающий, способный на всякое дело человек 3. Бранное слово (— фармазон, франк-масон)

Заграница Ситец красного цвета с цветочками

В нелитературных формах национального языка, в том числе в народных говорах, качественным прилагательным с оценочным компонентом, описывающие психофизические свойства человека, присуще следующее:

1) модификация частнооценочных значений на основе общеоценочной (положительной или отрицательной) коннотации

Ср.: *Бодрый* 1. Мужественный, крепкий. *Старик-то ещё бодрый, поживёт*

4. Бодёр Крепок (об одежде) *Пониток-то на тебе бодёр ещё.*

2) модификация оценочного значения вплоть до замены знака оценки на противоположный

Бодрый 2. Нарядно, щеголевато, по-праздничному одетый 3. Церемонный

Ср. также в молодёжном жаргоне: *Суровый* обще-негативный эпитет. Суровые дела. Суровая задача. (Англо-Русско-Английский словарь сленга, жаргона, русских имен)

Также отмечены значения: «уважаемый в этом кругу», «подлинный», «выдающийся». *Суровый* байкер. *У нас по-суровому.*

Литература:

1. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995.
2. Арнольд, И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
3. Говердовский, В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. М., Наука: 1979. № 2. с. 83—86.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—47. Л., СПб, 1965—2014.

Лексическая коннотация в общем жаргоне

Топорков Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

В статье дан анализ функционирования коннотативных значений слов в общем жаргоне современного русского языка. Пространство общего жаргона рассмотрено как пространство семантико-идеологических модификаций, связанных с изменениями границ денотативных зон и понятийного содержания лексем в общем жаргоне, а также со специфической лексикографической деятельностью в интержаргонной интернет-среде.

Ключевые слова: коннотация, лексема, денотат, сигнификат, оценка, общий жаргон, интержаргон, лексикография

На современном этапе развития языкознания, несмотря на обилие работ, посвящённых коннотации, границы и сущностные характеристики этого понятия остаются нечёткими. Причиной этого является не столько неопределённость самого этого понятия, сколько неопределённость тех типов значения, которым коннотативное значение противопоставлено — денотату (референту, экстенсионалу в работах ряда учёных) и сигнификату.

Анализу понятия «коннотация» посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей. В статьях [2], [4] приведены различные точки зрения на данную проблему.

В данной работе рассмотрим коннотации жаргонных лексем в текстах, порождаемых вне жаргонной среды. Жаргонные единицы реализуют коннотацию «жаргонности», как правило, если они так или иначе включены в общелитературный лексикон и маркированы как «чужие» слова. ср. термин «общий сленг», которым оперирует Л. А. Кудрявцева в ряде работ.

В целом, диалект, говор определяются в лингвистике как территориальная разновидность языка, в противоположность социолектам. Однако данные анализа коннотативных сем в русских народных говорах свидетельствует о том, что границы территориального и социально-профессионального деления могут быть размыты. В ряде случаев коннотативные значения имеют достаточно широкий ареал распространения, будучи представлены частнооценочными значениями на основе одного, общего для нескольких или многих говоров. Данные лексико-семантического анализа показывают большую роль социокультурных и идеологических (в широком смысле) характеристик говоров как формы существования языка.

На уровне теоретического описания данное явление не во всём чётко отграничено от понятия «общий жаргон», см. [1], однако примеры, приводимые Л. А. Кудрявцевой, демонстрируют намерение авторов придать фразе коннотативное значение «жаргонности».

В семантической структуре лексем т. н. «общего сленга» наблюдаются следующие семантические процессы преобразования коннотаций:

- 1) стилистическое маркирование оценка (*тачка* в вышеприведённом тексте уже не просто маркер жаргонности, но и отрицательная оценка);
- 2) стилистическое маркирование социальный портрет субъекта.

Ср. *чувак*

Если убрать из рэпа все эти понты типа «*чувак*, я иду по своему кварталу, я классный пацан, не продам свою братву» — сейчас это уже не уличная эстетика, а скорее игра в нее... если этот внешний слой убрать, то слушать это интересно. [Сергей Бирюков. Яна Чури-

кова: «Попсой можно быть в любом жанре» // Труд-7, 2011.02.24].

«Хорошая история — *чувак* торгует нашей нефтью по непонятным схемам, зарабатывая на этом сверхприбыли, а мы с Немцовым ему еще и должны. [Матвей Свичеревский. Суд признал, что Тимченко не друг Путину и не миллиардер // Новый регион 2, 2011.02.02].

В первом примере лексема *чувак* является маркером социальной роли, в то время как во втором реализует только экспрессивно-стилистическую коннотацию.

В нелитературном языке возможно смещение области коннотации и денотации в семантической структуре лексем. В частности, отмечены случаи формирования денотативных компонентов значения у изначально оценочных единиц. Подобные случаи характерны для уголовного жаргона и сленга.

В семантической структуре собственно сленговых единиц (а также достаточно часто в общем субстандарте), в отличие от лексем общего жаргона/сленга, часто происходит включение коннотативных созначений в сигнификат: то, что для не-носителя является чисто стилистическим вариантом, для носителя входит в понятийный пласт значения и обладает смысловоразличительной функцией.

— Эй, парень! — Чего тебе, эй, *девка*? — Я не *девка*, я *баба*. [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)].

Ср. также: *колбаситься*, *рубиться* (о характерных телодвижениях, сопровождающих прослушивание музыки, как правило, на концерте)

Под тяжёлую *рубят*, а электронную *колбасят* (=) [<http://otvet.mail.ru/question/18779149>].

Колбаситься, несов. неперех. бурно веселиться, тусоваться, иногда в смысле танцевать на дискотеке или в клубе. Классно поколбасились! Любишь ходить в клубы и колбаситься под рейв? Можно колбаситься сутки напролёт, мне очень понравилось! • Пошли поколбасимся на диско. [<http://teenslang.su/content/Колбаситься>].

В жаргонах (а зачастую в просторечии) наблюдается тенденция приращения понятийного содержания к оценочным единицам.

Ср. развитие понятийного содержания оценочных лексем в уголовном жаргоне: *козёл*, *сука*, *придурок*.

В ряде случаев возможно размытие денотативной и коннотативной сфер.

Так, в английском языке отмечаются такие слова лексико-семантической группы «девушка лёгкого поведения», как *prostitute*, *hooker*, *slut*, *whore*, *harlot* и др.

Среди этих лексем выделяется единица *hooker*, которое, с одной стороны, стилистически маркировано (в отличие от *prostitute*), но при этом в структуре значения которого номинация преобладает над оценкой.

В различных словарях слову содержит пометы *slang* или *colloquial* (сленговое или разговорное), либо не содержит помет вовсе.

Сфера денотации и коннотации представляется в сознании разных носителей языка достаточно размытой; пользователи указывают различные дифференциальные семы и оценочные коннотации.

Подобная ситуация характеризует и производные слова. Так, прилагательное *hookerish* в словообразовательном отношении находится на границе между окказиональностью и нормой. Наряду с ним встречается прилагательное *slutty* со значительной долей оценочности.

В некоторых контекстах подобные лексем могут развивать энантиосемичные иронические значения, которые, как правило, не образуются у слов с преобладающим оценочным компонентом значения.

В интернет-среде, представляющей на данный момент интержаргонную среду, наблюдается тенденция к формированию устойчивого объёма значений для расплывчатых жаргонных и просторечных лексем. В частности, такого рода тексты присутствуют на интернет-сайтах, представляющих собой словари сленга, статьи для которых пишут сами пользователи и/или имеют возможность оценивать полноту и адекватность словарной статьи напр. <http://www.urbandictionary.com>, <http://www.miejski.pl> и др.

В такого рода «лексикографической» деятельности зачастую происходит формирование более или менее устойчивого денотативного пласта сленговых лексем.

В целом, общий жаргон представляет собой «транзитную», переходную форму существования языка, что отражается на уровне лексической семантики, в том числе, в специфике реализации коннотативных оценочных значений в текстах различных жанров, в том числе в пространстве интернет-коммуникации. Стилистические, экспрессивные различия лексем в общем жаргоне могут приобретать понятийные характеристики, в том числе в пространстве семантико-идеологических трансформаций, происходящих на стыках различных форм существования русского языка (литературный язык — общий жаргон — профессиональные жаргоны, арг, сленг).

Литература:

1. О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общим руководством Р. И. Розиной. — М.: Азбуковник, 1999. — 320 с.
2. Кропотова, Л. В. История развития лексической коннотации. Язык и культура. 2010. № 1. с. 33–47
3. Кудрявцева, Л. А. Язык города: общий сленг [Электронный ресурс] / Кудрявцева Л. А. — Электрон. текстовые дан. — К.: Русская община, 2005. — Режим доступа: <http://www.russian.kiev.ua/archives/2005/0512/051220ct01.shtml>, свободный.
4. Сторожева, Е. М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сторожева Екатерина Михайловна; [Место защиты: Перм. гос. ун-т]. — Пермь, 2009. — 249 с.: ил. РГБ ОД, 6109–10/553.

Коннотация числовых обозначений в нелитературных формах русского языка

Топорков Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

В работе рассмотрены оценочные и оценочно-номинативные коннотации имён числительных, а также иных числовых и количественных обозначений, на материале нелитературных форм современного русского языка. Рассмотрены лексико-семантические и словообразовательные способы реализации коннотативных значений, приведены особенности реализации таких значений в народных говорах, жаргонах и аргю.

Ключевые слова: лексическая семантика, коннотация, имя числительное, количество, категория состояния

Коннотация имён числительных анализировалась, в частности, в работах [1], [3], в ряде исследований Е. В. Шабалиной и др.

Лежнёва приводит следующие семы неопределённого количества в составе коннотирующих слов: сема «отсутствие»; сема «недостаток»; «предельное наполнение»; «превышение нормы»; «предпочтение»; «значительное превышение нормы»; «навязчивое проявление признака»; сема «избыток»; «несоответствие»; «усиление».

В качестве материала, как правило, приводятся числительные от 1 до 10/12, а также 100, 1000 и др. кратные им.

Чу Цзы-Чен приводит следующие коннотации числительных *один* и *первый* в русском и китайском языке: отсутствие различий, отсутствие другого, малость/мало, неопределённость, небольшая часть, исчерпанность, начальное, прямое, главное).

Семантическая структура имён числительных, с одной стороны, имеет немало общего с семантической структурой имён собственных. И в том, и в другом случае определение сигнификата представляет трудность: имена собственные во многих случаях изначально понятийно «пусты», хотя эта пустота отчасти связана с отрывом синхронии от этимологических значений (греческие, древнееврейские и др. значения имён и т. д.). В этом отношении примечательны актуальные собственные имена в ряде языков (китайском и японском языках), сохраняющие сигнификативный компонент. Имена числительные также лишены понятийного содержания, что не мешает помещать их в толковые словари и давать толкования, в отличие от имён собственных.

При этом такое толкование может включать и единицы, обретающие устойчивые значения в сочетании с определёнными именами существительными.

Ср.: в *трёх* соснах заблудился, наобещал с *три* короба.

Семантические приращения имеют в приведённых примерах противоположную семантику: в первом примере *три* имеет значение «малое количество, количество меньше нормы», то во втором — «количество больше нормы». Такая антонимия количественных сем связана не только (и, как в этом примере, не столько) с семантикой числительного, но и с семантикой соот-

ветствующего существительного. Реализация коннотативных значений чисел обозначений, таким образом, связана со структурой производного слова

В нашей работе более подробно рассмотрим некоторые особенности коннотации числовых обозначений, присущие нелитературным формам русского языка.

Основные источники коннотативных значений чисел — религиозные и фольклорные традиции, а также данные наивной картины мира. Именно в диалектной среде отмечены наибольшее количество обозначений, опирающихся на оценочные и оценочно-номинативные коннотации чисел.

Цифры и числа получают коннотативные значения как в оборотах с числительными, так и в производных существительных.

В ряде обозначений происходит количественно-качественный перенос

Ср.: количественная характеристика + оценка («много» + «плохо»): *Сорокожёнec м. Неодобр.* Мужчина, несколько раз вступающий в брак. *Втору уж взял, сорокоженец. Сходится да расходится, все разных берет, тот — сорокоженец.* Турин. Свердлов., 1987. *Сорокожённик м.* Волокита, бабник. Брейтов. Ярослав., 1990.

Количественно-качественная характеристика: *Сорокодумный* Очень умный, способный, быстро соображающий (о человеке). *Сорокодумный ты, дед, голова у тебя золотая. Такой сорокодумный был, лучше любого бухгалтера сечет-от. Сорокодумная бабочка эта, жена бригадира.* Тул., 1969.

Качественная характеристика: *Сорокодумка ж.* О хитрой женщине. *Сорокодумка — хитрая баба.* Смол., 1914.

Ср. также: *Семибатеchnik, м.* Незаконнорожденный ребенок. Даль, *Баю, баю семибатькович, У тя матушка девушка, Утя батюшка прохожий человек* (песня). Олон. Краснояр.

Ср. также гендерно мотивированные коннотативные семы: *Сорокоумец* О хитром человеке; *Сорокоумка* Об озорной, шаловливой женщине, девушке

Коннотация может опираться не напрямую на значения числовых форм в наивной картине мира, а на метафорический или метонимический компонент в обозначении предметов и явлений.

Ср.: *Полшестого*. На полшестого стоять, шутил. -ирон.
1. Об ослабленной потенции. 2. неодобр. О подавленном состоянии, депрессии

Ср. также: *Трёшка* 2. пренебр. Дешёвая (как прачило — вокзальная) проститутка [Никитина 2003] (метонимический перенос)

Ср. развитие оценочно-номинативного значения: *Шестёрка* 1. пренебр. Официант 3. Человек, выполняющий мелкие поручения, неквалифицированную или грязную работу [Никитина 2003]

Девятка 2. Осведомитель, доносчик [Балдаев, Белко, Исупов 1992]

Семиэтажный 1. Опытный, пользующийся большим авторитетом пожилой вор

В некоторых случаях номинативный компонент преобладает, ср. жарг. *Один* Кол. Владян отоварил грузина одним по башке [Грачёв 2003].

Количественные обозначения

Сотня 9. Сорок с о т. *Фольк*. Много. *У меня убыло силушки сорок сот*.

В целом, внелитературная среда русского языка представляет собой сферу особых семантических модификаций, связанных как со специфичным распределением объектов по денотативным зонам, так и с наличием отличных от сферы литературного языка моделей количественно-качественного переноса в лексической семантике.

Литература:

1. Лежнева, Е. Б. Количественная характеристика коннотативных значений слова в английском языке 2002
2. Никитина, Т. Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов. М., 2003.
3. Словарь русских народных говоров. ТТ. 1—40. М., Л., СПб., 1965—2006.
4. Чу Цзы-Чэн. Коннотативная семантика имен числительных во внутренней форме фразеологических единиц: на примерах русских слов один, первый и китайского слова уі // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. № 4.
5. Шабалина, Е. В. Культурные коннотации числительного девять в русской языковой традиции (на польском фоне) // Славяноведение. 2013. № 5. с. 20—25.
6. Шабалина, Е. В. Числительные в русской политической фразеологии: пятая колонна и пятая графа // Политическая лингвистика. 2011. № 1. с. 189—192.
7. Шабалина, Е. В. Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков) // Славяноведение. 2010. № 1. с. 74—82.

Коннотация количественных обозначений в народных говорах русского языка

Топорков Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

В работе рассмотрены оценочные и оценочно-номинативные коннотации количественных обозначений на материале народных говоров русского языка. Рассмотрены лексико-семантические и словообразовательные способы реализации коннотативных значений, приведены лексико-семантические и грамматические особенности реализации таких значений в народных говорах русского языка.

Ключевые слова: лексическая семантика, коннотация, оценочное имя, количество, категория состояния.

Анализу понятия «коннотация» посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей: Ю. Д. Апресяна, И. А. Арнольд, В. И. Говвердовского и др. В статьях [3], [6] приведены различные точки зрения на данную проблему.

Коннотация возникает как в сфере конкретно-предметной (напр., в лексико-семантических группах с обозначением животных, национальностей, профессий и родов деятельности, в сфере собственных имён (см. словарь [4]), а также вещественной, собирательной и отвлечённой лексики.

При этом, однако, в качестве иллюстративного материала привлекаются данные литературного языка.

В нашей работе более подробно рассмотрим некоторые модификации количественных обозначений, присущие народным говорам русского языка. В качестве иллюстративного материала привлечены данные Словаря русских народных говоров [5].

Существуют три основных направления развития коннотативных сем:

1. Перенос семы из литературного языка и последующая модификация.

2. Развитие коннотативной семы у диалектной лексемы.
3. Модификация оценочной семы в диалектах (существует общеоценочный «потенциал», который реализуется в качестве различных частнооценочных сем).

Количественные значения на морфемном уровне (значение корня) связаны с денотативной зоной мотиватора, ср. *сплодимо* — плод, *сенно* — сено, *срез* — резать. Ср. также *оводно*, *комаристо*.

Сплодимо нареч. 1. Большое количество, много чего-л. (о растениях). *Сплодимо у них цветов в ограде.* Южн. Краснояр., 1967. Ср. также значения: 2. Густо, часто (сеять). *Морковь сплодимо не сеют, выдерживаешь половину.* Южн. Краснояр., 1967. 3. Слошь, подряд. *Ой, сплодимо все шишка.* Шушен. Краснояр., 1967.

Сенно, безл. сказ. Много сена. *Лесно у нас было, а не сенно.* Онеж., 1913.

Срез 5. С р е з у (нет, нету, не было и т. п.). О большом урожае травы, пшеницы и т. п. *Господь и в правду зародил такую пшеницу, что и срезу не было. Травы срезу нетути — дуже ее много. На речнице выросла трава — Боже мой якая — срезу нет.* Смол., 1914.

Возможно семантическое расширение с размытием мотивационной связи с семантикой корня: *срез 6.* *С род. пад.* Много, полно. *Срез молока. Срез людей.* Брон. Моск., 1963. См. также *срезь*.

Развитие ряда значений связано с метафорическим переносом, актуальным и в общеязыковой среде.

Ср.: *Сально, безл. сказ.* Слишком хорошо; слишком много, чересчур. *Это тебе отдать? Больно сально будет.* Пошех. Яросл., 1850. Современное разг. *жирно:* А не *жирно* ли тебе будет? и т. п.

В ряде случаев существительные с собирательным значением наряду с экспрессивными коннотациями получают грамматические характеристики разряда собирательных существительных.

Ср.: *Сойма, ж.* 1. Крестьянская сходка. Жиздр. Калу ж., 1846. Калуж., Нижегород. 2. Шумная толпа, скопление людей. Яросл., 1910. Пенз, р. Урал. О Сойма народа (народу). *Цела сойма народа, а толку нет. Глянь-кать, сойма народу-то.* Р. Урал, 1976. || О гурьбе детей. *Сколько вас тут набралось — целая сойма.* Кинельск. Куйбыш., 1945. 3. Большое количество детей в семье. *На току сойму одного хлеба сколько надо.* Покр. Влад., 1910.

Количественные обозначения могут приобретать денотативные компоненты значения, в т. ч. на основе пе-

риферийных компонентов концепта и в ряде случаев приобретают характер метонимического смещения значения (см. *до слёз*).

Соймы, мн. Мошкара. *На лесозаготовках работали, так соймы затоптали, бывало, как сейчас бармы* (оводы), только *маленькие, лезут везде.* Медвежьегор. КАССР, 1970. 5. Драка, свалка. Даль. 6. Шум, брань. Нижегород., 1850. 2. Сойма, *нареч.* Очень много.

Корсун. Симб., 1897.

Смертные барашки, овцы и т. п. у кого-л. Очень много, несчислимое количество кого-, чего-л. у кого-л. *У него барашки смертные.* Казаки-некрасовцы, 1969.

Синь-порох. Немного, самая малость, чуть-чуть. Ряз. Ряз., 1902. Яросл., Моск., Калуж. Ни синь, ни крошечки не досталось. Ничего не досталось. Ни кусочка не досталось рыбы, вот даже ни синь — ни крошечки. Петров. Саратов., 1960.

До слез (работы, дел и т. п.). Очень много (работы, дел и т. п.). *Работы будет до слез.*

Ср.: *Слезьё, ср., собир.* Фольк. Слезы; много слез. Слезяница, ж. Слезы, много слез.

Ср. также: *Сильно* Много, в большом количестве. Сильно народу было. Вят., 1847. Нельзя сильно воды пить, Нельзя почерпнуть (песня). Арх. Сильно там белых грибов. Яросл. Костром. Сильно яблок. Дон. Акм. Мышей ходили искали. Сильно заготавливали. Камч. Киргиз. ССР.

Ср. с экспрессивной семантикой в контексте с общелитературным синонимом: Сильно-сильно. Очень много. Пресильный комар, много-много, сильно-сильно. Бараб. Новосибир., 1970.

В ряде случаев пространственные параметры количества модифицируются в качественные или рассматриваются как различные компоненты концепта:

Ср.: *Леший* О высоком, рослом человеке. Наряду с количественными, отмечаются и качественные параметры: О грубом, диком человеке; о сумасшедшем, буйном человеке; о беззаботном, рассеянном человеке.

Таким образом, функционирование количественных значений диалектных лексем на основе коннотативных сем связано с рядом процессов лексико-семантического характера (количественно-качественные модификации, модификации на уровне денотативных зон), а также грамматического характера (изменение грамматических характеристик лексем, в том числе изменение частеречной принадлежности).

Литература:

1. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995
2. Говердовский, В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. М., Наука: 1979. № 2. с. 83–86.
3. Кропотова, Л. В. История развития лексической коннотации. Язык и культура. 2010. № 1. с. 33–47
4. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. — Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. — 412 с.
5. Словарь русских народных говоров. Тт. 1–40. М., Л., СПб., 1965–2006.
6. Сторожева, Е. М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сторожева Екатерина Михайловна; [Место защиты: Перм. гос. ун-т]. — Пермь, 2009. — 249 с.: ил. РГБ ОД, 6109–10/553

Синтаксические маркеры коннотаций

Топорков Пётр Евгеньевич, кандидат филологических наук, и. о. зав. кафедрой
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Стилистическая и экспрессивная коннотация вносит ограничения употребления в той или иной позиции в структуре предложения. Так, позиция предиката, в целом, малохарактерна для стилистически маркированных лексем с экспрессивно-синонимическим значением.

Предикатная позиция снимает экспрессивную коннотацию.

Ср.: (1) Какой же это парень? Это *девка*. — Как это — *девка*? [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)].

(2) Рыжая *девка* ещё приплелась к чему-то, с ней возись еще... [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958)]

В приведённом примере 1 *девка* — «молодая девушка или женщина», без сопряжённых коннотаций «грубости», «пренебрежительности», во втором примере отмеченные коннотации присутствуют.

Одним из основных маркеров коннотации является сравнительная конструкция как + сущ.

Достаточно часто эти конструкции в языке сосуществуют с метафорами.

Ср.: Он как *свинья* (прям. значение сущ-ного с коннотативными семами) — он свинья (переносное значение, коннотативные семы включены в сигнификат).

В ряде случаев происходит перенос оценочной коннотативной семы.

Ср.: 1) Этот прохвост уже успел нализаться *как свинья*. [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)]

2) — Так тебе, присноблаженный, и нужно — не дрыхни, как свинья ленивая, отцу Досифею принадлежащая. [Б. Губер. Мертвецы (1926–1937)]

3) Конечно, это я, можно сказать, как *свинья*, поступил: рабфак бросил. [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 3 (1935)]

4) При царском режиме рабочий жил, *как свинья*, — что же, и теперь мы должны жить так же? [В. В. Вересаев. Сестры (1928–1931)].

В первом и втором случае коннотация сравнительного оборота содержит оценку, адресуемую грамматическому субъекту, и эта оценка связана с коннотативными семами, приписываемыми денотату *свинья* (животное).

Ср.: Он нализался *как свинья* (опирается на коннотации: свинья *неумеренна в аппетитах, грязное малоподвижное животное*)

Он нализался *как свинья* = он напился, и поэтому он оценивается отрицательно.

В третьем примере коннотативные семы уже не опираются на представления о свойствах свиньи как животного (свинья вряд ли оценивается как нравственно нечистоплотное существо, т. к. подобные суждения высказываются, как правило, только о человеке). В этом случае коннотативная сема метафоры (*свинья* — непо-

рядочный человек) переносится обратно в семантическую структуру прямого значения: поступил как свинья = я поступил плохо + перенесённая коннотативная сема «физическая нечистоплотность» «нравственная нечистоплотность».

Свинья в третьем примере вряд ли метафора, во всяком случае это не очевидно. Оценочным предикатам, которыми являются метафоры типа свинья в целом не свойственно употребление в непредикативных позициях. В таких позициях они чаще всего не прочитываются как метафоры, ср. замечание В. Н. Телия: «Деривационная опосредованность и косвенная отнесённость к обозначаемым отличает такие наименования (типа *ворона* — П. Т.) от оценочных значений слов типа *разиня, забияка* и т. п., которые способны обозначать объект, к которому они прилагаются, и в других синтаксических позициях (ср. Я не люблю *разинь* — *Я не люблю *ворон*)» [Телия 1977: 152].

Ср. также: Уперся, извини, *как баран*, побагровел весь, глаза — сверкают. [Андрей Столяров. Наука расставаний // «Звезда», 2002]

Может, она все факты уничтожила в уборной?.. А он, *как баран*, уши развесил. — Слушай, ты никому не говори, что я тебе разрешил домой заехать, поняла? [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]

Здесь разница между прямым значением и метафорой очевидна: упёрся как баран = проявляет качества, свойственные *барану как животному*; во втором случае уши развесил как баран очевидно опирается как метафору *баран* = глупый человек (барану как животному не свойственно развешивать уши).

В четвёртом случае оценочная коннотация сравнительного оборота переадресована не вполне конкретно: рабочий жил как свинья = рабочий жил плохо + отрицательная оценка *чего?* Царского режима? Системы трудовых отношений?

Используя терминологию И. В. Арнольд, можно было бы указать, что во втором случае присутствует только экспрессивная коннотация, а оценочная отсутствует: сравнительный оборот *как свинья* во втором примере является экспрессивно-синонимическим эквивалентом наречия *плохо*, но не содержит конкретной оценки.

Многие метафоры многозначны, при этом влияние контекста значительно, что даёт возможность говорить не столько о значении, сколько о потенциальных возможностях реализации коннотаций как ядра сигнификата. Вероятно, с этим связан тот факт, что толковых словарях не отражается многозначность метафор не отражена.

Однако всё же метафоры реализуют более устойчивый набор значений и коннотаций, чем их мотиваторы среди конкретной лексики.

Ср.: *слон* — о неповоротливом, крупном человеке.

Эти — заплатят. Устал, как слон. А тут еще «сирокко» свистит и воет, двери трясутся и уже 3-й час ночи. [С.Н. Сергеев-Ценский. Моя переписка и знакомство с А.М. Горьким (1912–1936)] — коннотация усталости от тяжёлого труда, ср. узуально закреплённые коннотации *устал как собака*, англ. *to be dog-tired*.

В живой речи возможны окказиональные переносы коннотаций при семантической близости денотатов.

Ср.: Командор уже пытался отвезти его на турбазу, выкупать и выспать, но Яков уперся, как козел, и никуда не поехал. [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)] *Козёл* вместо *баран*.

Контекстуальные оценочные семы зачастую возникают в конструкциях с предикатом — существительным с обозначением профессии, социального статуса или иного признака, который может быть реализован в большей или меньшей степени. Эта сема зачастую ре-

ализуется в восклицательных конструкциях. В ряде случаев конструкция прочитывается не как вокативная, а как двусоставная неполная, в позиции предиката же выступает слово с понятийной семантикой, сдвинутое в сторону оценочности:

Ср. примеры в работе [Стернин 1985: 92]: [...] — Как же так? От воспаления легких [умерла]? — Скрытое было. На рентгене не видно. — Да, я знаю. Как же ее не просветили? Есть же *техника!* Алена стукнула кулачком по парте (Э. Пашнев. Белая ворона). Наводится сема «совершенная, эффективная».

В целом, лексическая коннотация может быть рассмотрено как явление, охватывающее, помимо сферы лексической семантики, область синтаксиса. Синтаксическая позиция оказывает влияние как на реализацию той или иной коннотативной семы, так и на содержание этого коннотативного значения.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. — 138 с.
3. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды [Текст] / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука, 1977.

Психолингвистическая основа интенсификации обучения иностранному языку в нелингвистических учреждениях

Хайдаров Исмоил Оллокулович, кандидат педагогических наук, доцент;

Гозиева Нодира Рустам кизи, студент

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

В рамках этой статьи мы попытались представить описание способов возможная психологическая активизация обучения иностранному языку, который может влиять на результат приобретения иностранного языка и способы его реализации в образовательных процесс в неязыковых учреждениях. Анализируя это исследование, мы предложили некоторые запланированные мероприятия, которые значительно помогли учащимся иностранных языков повысить их способность к изучать целевой язык и в то же время может также поощрять второй иностранный язык учителей, чтобы найти лучший способ для их обучения. Поскольку психолингвистический подход к преподавание иностранного языка предполагает конституционную основу для определения конкретных психологические направления и принципы организации языкового обучения, отдельные функции профессионального лингвистического материала и языковой деятельности. Анализ психолого-педагогические исследования интенсификации профессионально ориентированных иностранных преподавание языка в неязыковых учреждениях показывает, что эта проблема является психологической и педагогический, поскольку он требует учета как психологических факторов, так и личности характеристики (мотивация, готовность к изучению иностранного языка, активность, независимость развитие и т. д.) и необходимость в специально организованной, целенаправленной педагогической процесс, который включает психологические подходы, принципы, организационные и педагогические условий, методов и средств для реализации целей и задач ориентированное образование по специализации будущей профессии.

Рассматривая психолингвистические характеристики профессионально-ориентированного образования, следует отметить, что, разъясня основные особенности психолингвистического подхода к изучение иностран-

ного языка как индивидуального знания, необходимо учитывать, что мы рассматриваем организацию человеческой языковой деятельности. Здесь, следуя Л. Щербе (1947), мы идентифицируем, что организация языковой

деятельности — это своего рода обработка языковой деятельности опыт, который происходит в соответствии с конкретными психофизиологическими возможностями и узорами. Это означает, что прежде всего нам нужно выяснить, какие черты человеческого психического деятельности определяют формирование и функционирование иностранного языка как человеческого актива.

Методика. Обращаясь к конкретным исследованиям психолингвистических подходов к изучению особенностей приобретения второго языка (анализ контраста, анализ ошибок, интроспективные методы, интегрированный подход к изучению особенностей приобретения второго языка), мы можем утверждать, что дальнейшие исследования в области приобретения иностранного языка должны учитывать, в какой-то мере, результаты научных исследований в области первого и второго языков с заявлением о задаче выявления как закономерностей, общие для приобретения на родном и иностранном языках, а также конкретные особенности для каждого из этих случаев.

Следовательно, в рамках этого исследования мы можем ограничиться резюме перечисление основных особенностей умственной деятельности человека, которые являются наиболее важными для дальнейшего рассмотрения вопросов, которые актуальны для нас.

Мы исходим из следующего:

1. Психическое отражение никогда не бывает пассивным, механическим и зеркальным, поскольку оно формируется в процессах активности активного субъекта посредством непрерывного взаимодействия между человеком и окружающего его мира, с постоянной взаимосвязью внутренних и внешних, субъективных и объективной, индивидуальной и социальной.
2. Психическое характеризуется конечной процессуальностью, динамизмом, непрерывностью и постоянством взаимодействием процессов и их продуктов в процессе формирования и межпереходов различные этапы, компоненты, операции.
3. Все виды умственной деятельности действуют в ансамбле, т. е. Такие умственные процессы, как мышление, речи, памяти, восприятия и т. д., не существуют онтологически как отделенные действия, они искусственно ограничены для целей научного анализа, хотя в человеческой деятельности «все состоит из всего».
4. В многомерном и многоуровневом процессе ментальной рефлексии различные формы и уровни взаимодействуют, трансформируются, дифференцируются, интегрируются и переходят друг в друга, включая уровни сенсорно-перцептивные процессы, представления, речевые мыслительные процессы, концептуальное мышление, интеллект. В реальной жизни все уровни умственной деятельности человека взаимосвязаны; один из них может вестись в зависимости от цели деятельности и задач, которые решаются, но никогда не действует само по себе, только путем определения конкретной структуры всего психического система.

Любой умственный процесс всегда формируется одновременно на разных уровнях осознания; любой сознательное содержание обычно включает в себя неполные и не полностью реализованные зависимости и корреляции, т. е. е. существует непрерывность сознательного и бессознательного как одного из фундаментальных свойства психического как процесса, в котором бессознательное существует как реальное, как сознательный.

Подводя итог содержанию последних психологических концепций преподавания иностранных языков, мы можем изложить следующие положения для его толкования:

- нужно учить не столько самому языку, сколько языковой деятельности;
- основная функция аудиовизуальных и технических средств — обеспечить материализованную форму действия и операции, которые преобразуются во внутреннее, чисто ментальные;
- языковая инструкция в психолингвистическом смысле сводится к формированию профессионально ориентированные действия, необходимые для языковой деятельности, и овладение средства осуществления этой деятельности;
- учить иностранный язык необходимо для формирования мотивов образовательного и языкового деятельности как компонент образовательного процесса;
- формирование профессиональной деятельности иностранного языка должно заключаться в разработке его отдельные структурные компоненты и их последующая интеграция в интегрированную систему деятельности, которая связана с переходом от сознательной операции для их полной автоматизации;
- использование «адаптивного метода формирования операций» (А. Леонтьев, 2001) играет вспомогательная роль.

Результаты. Следуя методу обобщения сформулированных идей, мы можем указать три, на наш взгляд, важные моменты в обучении иностранному языку.

Во-первых, обучение иностранному языку и профессиональному иностранному языку возможно только в общении, в то время как коммуникация является целью и конечным результатом обучения.

Во-вторых, обучение иностранному языку не требует его образования с нуля, поскольку у студентов уже есть навыки профессионального устного общения, по крайней мере, в их родной язык. Поэтому необходимо сформировать коррекцию, которая требует развитие психолингвистической модели сравнения родных и целевых языков, степени совпадения или несоответствия в оперативной структуре языковой деятельности.

В-третьих, при преподавании языкового материала мы не можем игнорировать психологические функции языкового обучения в общем процессе обучения профессиональной деятельности иностранного языка.

Вывод. Итак, мы приходим к выводу, что психолингвистический подход к проблемам функциональный иностранный язык может быть ограничен только анализом языковых явлений. Последнее следует изучать в конкретной системе координат, которая учитывает все раз-

нообразии факторов и условий языковая деятельность. Как и в влияние последнего, образ мира средства не имеют смысла. Большинство исследователей указывают на корреляцию и взаимодействие индивидуальный и теоретический.

Поэтому на каждом этапе профессионального образования важно не только обеспечить формирование определенных знаний и языковых навыков, но также и последовательно развивать личные качества и способности ученика, его потребности в самореализации. Северный, формирования и развития психологических качеств будущего специалиста, важно стимулировать прежде всего мотивационную сферу смысл профессии, мотивы, цели, эмоции, условия адаптации, определяя направление личности, а затем на ее основе сферы (про-

фессиональные знания, профессиональные способности, профессиональные навыки, профессиональные действия, профессиональное мышление, профессиональные технологии).

Итак, в заключение следует отметить, что анализ сформулированного концептуального подходы к изучению и обучению иностранного языка демонстрируют выраженный психолингвистический статус, который является первичностью лингвистического компонента в развитие опыта иностранного языка. В основе их описания и интерпретация, у нас есть механизмы языковой деятельности, языковые способности и язык навыки, соответствующие их атрибутивным параметрам, коррелируют с психолингвистическими сфере научных исследований.

Литература:

1. Гадамер. Х.-Г. (1975) Истина и метод. Нью-Йорк: газета Seabury Press.
2. Gardner, R., & Lambert, W. (1972) Отношение и мотивация в изучении второго языка.
3. Роули, штат Массачусетс: Дом Ньюбери.
4. Гарднер, Р. (1980) О справедливости аффективных переменных при приобретении второго языка: концептуальных, контекстуальных и статистических соображений. Изучение языков, 30,270.
5. Gardner, R. (1985). Социальная психология: роль отношений и мотивация. Балтимор, доктор медицины: Эдвард Арнольд.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Лингвистические аспекты построения общения с респондентами (на примере анкет, разработанных ГКУ РМ «НЦСЭМ» для проведения социологических опросов в 2018 г.)

Баренкова Елена Александровна, научный сотрудник
Научный центр социально-экономического мониторинга г. Саранска

Рассматриваются лингвистические аспекты построения общения с респондентами при проведении социологических опросов. Выявлены основные трудности, оказывающие нежелательное воздействие на результаты проводимых исследований.

Ключевые слова: лингвистика, общение, интервьюер, респондент.

Неоценима роль общения в жизни человека. Оно необходимо для поддержания межличностных отношений, при осуществлении трудовой деятельности, интеллектуального роста, отдыха. Общение как естественное качество человека требует постоянного совершенствования [1, с. 27].

Общение представляет собой сложный процесс, к изучению которого прибегают философы, психологи, социологи, лингвисты и т. д. Каждый ученый из разных областей науки пытается осветить не рассмотренную ранее грань данного процесса. Например, философы изучают роль общения в жизни человека, социологи — возможные формы общения внутри и между социальными группами, психологи — его индивидуальные психоособенности. Лингвисты исследуют языковую и речевую природу межличностного общения. В данной статье рассмотрены лингвистические аспекты построения общения с респондентами при проведении социологических опросов.

В широком понимании лингвистические аспекты общения связаны с внутренней структурой языка (в данном случае русского языка) и ее функциями в речевой деятельности человека. К ним относятся фонетический аспект или звуковая сторона речи, предполагающая ударение и интонацию; грамматический аспект, связанный с языковыми правилами построения словоформ и предложений; семантический аспект, рассматривающий связь языковых знаков и смыслового содержания [2, с. 163]. Проследим их при построении общения интервьюера и респондента.

Фонетический аспект построения общения связан с ударением и интонацией, которые определенным об-

разом характеризуют самого говорящего и его отношение к тому, о чем он говорит; делают речь выразительной, придают текстам различную художественную окраску. Например, произнося вопрос «*Понятна ли Вам информация, размещенная на стендах в учреждении?*» («Удовлетворенность деятельностью организаций социального обслуживания Республики Мордовия, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме»¹), интервьюер интонационно выделяет «размещенная на стендах», чтобы скоординировать респондента на сути вопроса (так как информация о работе учреждений, сведения о внутреннем порядке работы организаций может быть размещена также и на сайте учреждения). Или вопрос «*Удовлетворены ли Вы временем ожидания предоставления услуги организацией культуры?*» («Оценка качества оказания услуг организациями культуры Республики Мордовия») предполагает интонационное выделение словосочетания «временем ожидания». Дело в том, что исследование в рамках одной анкеты может предполагать также выявление удовлетворенности опрашиваемых разными аспектами работы тех или иных организаций (временем ожидания, доступностью услуг, вежливостью работников, качеством предоставления услуг и т. д.). В связи с этим для упрощения или быстрого погружения респондента в суть вопроса необходимо интонационное акцентирование логически значимых фраз. Следует отметить, что интонация может быть письменно выражена путем вводных слов или выделения нужной фразы другим шрифтом. Например,

¹ В статье использованы формулировки вопросов из анкет, которые разрабатывались ГКУ РМ «НЦСЭМ» для проведения социологических опросов в 2018 г.

в вопросе «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь препятствует рождению очередного (в том числе первого) ребенка?» («Качество жизни населения Республики Мордовия») интонационно оформлена вводная конструкция «на Ваш взгляд», так как суть исследования заключается в выявлении именно мнения респондента по данной проблеме.

Грамматический аспект построения общения с респондентами — использование форм и конструкций, отражающих правила сочетания и изменения слов, соединения слов в словосочетания и построения предложений. Для социологических опросов формулировка вопросов и ответов должна быть максимально простой и короткой, но не теряющей сути проблемы. Например, использование простых предложений с прямым порядком слов — вопрос «Как Вы оцениваете развитие экономики Рес-

спублики Мордовия?» («Удовлетворенность населения Республики Мордовия деятельностью органов власти, иных политических структур и учреждений») предполагает простые и однозначные ответы («положительно», «скорее положительно», «скорее отрицательно», «отрицательно»). Для наглядности и четкости размещения вопросов, предполагающих несколько параметров, может использоваться таблица. Например, ответы на вопрос «Насколько Вы удовлетворены уровнем цен и качеством услуг, предоставляемых в магазинах «шаговой доступности?» («Удовлетворенность потребителей качеством товаров и услуг на рынках Республики Мордовия и состоянием ценовой конкуренции») представлены в табличном варианте (с указанием формулировки «один ответ в каждой строке»):

Показатель	Удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Уровень цен	1	2	3	4	5
Качество услуг	1	2	3	4	5

Семантический аспект в общении интервьюера и респондента подразумевает соответствие передаваемой информации знаниям получателя. Из этого следует, что постановка вопросов в анкетах и формулировка альтернатив к ним должны быть четкими и понятными для опрашиваемых, не содержать сухой набор узкоспециальных терминов или многозначных слов. В противном случае может последовать резко отрицательная реакция респондента или отказ от участия в опросе. Следует также учитывать аудиторию опрашиваемых и их возможную осведомленность в теме исследования. Например, содержание вопросов, касаемых предпринимательской тематики, не вызовет затруднений у представителей бизнеса, то есть вопрос «Сталкивались ли Вы лично с административными барьерами при организации и осуществлении предпринимательской деятельности?» («Оценка предпринимательским сообществом общих условия ведения предпринимательской деятельности в Республике Мордовия») не требует дополнительных пояснений и уточнений термина «административный барьер». В некоторых случаях, когда предполагается массовый опрос населения, необходимо предугадывать, что отдельные вопросы могут быть непонятны респондентам. В этом случае целесообразно дать пояснения. Например, в анкете после формулировки вопроса «Слышали ли Вы о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Вашем населенном пункте?» («Оценка населением Республики

Мордовия кредитно-страховых и социально ориентированных некоммерческих организаций») логично разместить уточнение термина «социально ориентированные некоммерческие организации». Пояснений требует и вопрос «Каким был среднедушевой доход Вашей семьи за предыдущий месяц?» («Качество жизни населения Республики Мордовия»), причем формулировка уточнения также имеет интонационное выделение:

среднедушевой доход — это сумма всех денежных поступлений от всех членов семьи: зарплата, пенсия, стипендия, пособие и пр., ПОДЕЛЕННАЯ на количество членов семьи, включая детей. Дело в том, что респонденты часто не обращают внимания на то, что сумму всех денежных поступлений должна быть поделенной, и указывают просто сумму своей заработной платы, пенсии или любого другого дохода.

Таким образом, для плодотворного общения интервьюера и респондента посредством вопросов анкеты необходимы четкое формулирование вопросов и альтернатив к ним с учетом звуковых особенностей речи, грамматических правил построения словоформ и предложений, а также устранения трудностей смыслового содержания информации. Правильное построение общения при проведении социологических опросов позволит избежать непредсказуемой реакции опрашиваемых (скрытности респондентов, «слепого» выбора альтернатив, отказа от участия в опросе) и достичь желаемых результатов от исследования.

Литература:

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. — М.: Высш. шк., 1988. — 319 с.
2. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 888 с.
3. Осиянова, О. М. Культура речевого общения в аспекте лингвистических исследований // Вестник оренбургского гос. ун-та. — 2009. — № 11 (105). — с. 159–165.
4. Соколова, В. В. Культура речи и культура общения / В. В. Соколова. — М.: Просвещение, 1995. — 192 с.

Репрезентация квантовой физики в российском сегменте интернета

Куликова Надежда Романовна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье анализируется феномен репрезентации в контексте философии и научного познания. С помощью дискурс-анализа исследуется репрезентация квантовой физики в российских научно-популярных интернет-изданиях, таких как «Постнаука», «Наука и жизнь», «Популярная механика», «Sciencерор» и «Naked science», а также определяется соответствие журналистских материалов принципам популяризации науки в медиа.

Ключевые слова: репрезентация, квантовая физика, научно-популярная журналистика, популяризация науки.

Проблема репрезентации является одной из ключевых для гносеологии. В контексте популяризации науки она также представляет большой интерес, ведь материалы научно-популярной журналистики всё чаще рассматриваются в эпистемологическом аспекте в связи с тенденцией общества выбирать их как источник знания об окружающей действительности.

Реальность рассматривается в контексте разнообразных перспектив, концепций и языков. Именно поэтому существует множество способов представления реальности, не совпадающих полностью.

Понятие репрезентации широко представлено не только в философии, но и в научном познании. При рассмотрении исторической линии развития термина «репрезентация» немецкий философ Ханс-Георг Гадамер в своём фундаментальном труде «Истина и метод. Основы философской герменевтики» вспоминает о правовом смысле этого слова у римлян, которые понимали под ним представительность и платёжеспособность. В государственно-правовом аспекте термин «репрезентация» предполагает существование «замещения», а чиновник должен показывать себя таким, как предписывает его изображение.

Кроме того, проблема репрезентации рассматривалась в контексте онтологии искусства и изображения. По мнению Гадамера, репрезентация помогает «изображению приобрести свою собственную действительность» и «бытийную валентность». Философ считает, что благодаря изображению первообраз становится первообразом. [3]

В традиционном эпистемологическом значении репрезентация — фундаментальная операция познавательной деятельности, которая опирается на представление объектов как идеальных, так и материальных в акте сознания с помощью их замещения в виде некоторых символов.

Одна из наиболее известных концепций репрезентации принадлежит представителю Марбургской школы неокантианства Эрнесту Кассиреру. Немецкий философ исследовал феномен репрезентации не только с гносеологической позиции: он рассмотрел его и как базовое понятие философской науки символических форм. По его мнению, репрезентация — это «представление одного элемента сознания в другом и посредством другого»,

когда «мысль не прямо применяется к действительности, но выдвигает систему знаков и учится использовать их как «представителей» предметов».

Реализация репрезентации происходит по двум типам, зависящим от выполняемых ею функций. К ним относится моделирующая мир или представляющая объективную реальность в знании репрезентация. Исходя из этого, можно сделать вывод, что формирование перцептивного и когнитивного понимания мира человеком происходит под влиянием создаваемых самим индивидуумом репрезентаций. В тоже время, восприятие зависит от предписанных культурой и образованием образцов репрезентации.

Репрезентация квантовой физики в новых медиа и её концептуализация является интересным предметом исследования по определённым причинам. Так, при изучении квантовой физики, в частности механики, начинающие исследователи сталкиваются с серьёзными трудностями, которые связаны с непониманием её основных принципов и законов. Одним из факторов такого непонимания является отсутствие систематизации публикаций научно-популярных материалов по данной тематике, от чего сфера квантовой физики кажется максимально абстрактной и не приближённой к реальной жизни.

Одной из основных тем из области квантовой физики, представленной в медийном интернет-пространстве, является мысленный эксперимент австрийского физика-теоретика Эрвина Шрёдингера, который был репрезентирован в таких научно-популярных изданиях, как «Sciencерор», «Популярная механика» и «Наука и жизнь».

В статье Марии Орловой под названием «Кот Шрёдингера и его непростая судьба» рассматривается не только сущностный, но и исторический аспект мысленного эксперимента с привязкой к личной жизни учёного-физика: автор задаётся вопросом, был ли на самом деле у Шрёдингера кот. Отмечается, что одним из изданий Physics Today опубликована фотография исследователя, на которой он изображён вместе со своим котом по кличке Мильтон. Далее следует описание самого эксперимента: кот Шрёдингера заперт в стальном ящике вместе со специальным механизмом, содержащим радиоактивное ядро и ёмкость с ядовитым газом, и с ве-

роятностью в 50% умирает. Причём, животное умирает только в том случае, если срабатывает помещённый в бокс механизм, отравляющий kota в случае активизации. Узнать исход способен исключительно наблюдатель, который способен открыть ящик. До открытия кот Шрёдингера одновременно и жив, и мёртв. Автор объясняет, что этот эксперимент иллюстрирует один из основных постулатов квантовой физики, согласно которому атомное ядро находится одновременно в состоянии распада и не распада, а отсутствие наблюдения над его состоянием смешивает две эти характеристики. Именно поэтому необходимо введение некоторых правил, которые помогли бы однозначно определять судьбу kota. Также автором приводятся различные интерпретации этого мысленного эксперимента, одна из которых получила название «квантовое самоубийство». Приверженцы этой интерпретации предлагали рассматривать эксперимент от лица самого животного, ведь он лучше любого наблюдателя знает, жив он или мёртв. [4]

Персонаж мысленного эксперимента известного физика стал не только частью медиа пространства: с определённым постоянством он начал появляться в произведениях массовой культуры. Особую известность кот Шрёдингера получил благодаря популярному юмористическому сериалу «Теория большого взрыва», который рассказывает о жизни учёных-физиков. Кроме того, загадочный кот появился на страницах произведений всемирно известных писателей, таких как Адамс Дуглас и Фредерик Пол.

Квантовая телепортация — другая широко представленная в новых медиа научно-популярной направленности тема из области квантовой физики. Она нашла своё отражение в таких изданиях, как «ПостНаука», «Наука и жизнь» и «Популярная механика». Наиболее полно эта тема раскрыта в статье А. Блинецовой под названием «Квантовая телепортация — туннель», которая опубликована на сайте журнала «Популярная механика». Своё объяснение такого сложного для понимания феномена автор начала с отсылки к кинематографу и публицистической деятельности. Ею упоминаются сериал «Звёздные врата» и фильм «Контакт», из-за которых идея телепортации стала обыденной, а для самих героев мгновенные перемещения в пространстве — привычным делом. Автор журналистского произведения в своём повествовании также обращается и к авторитетному мнению учёных, которые также поддерживают идею телепортации. Так, основатель кибернетики как науки Норберт Винер в своём фундаментальном труде «Кибернетика и общество» пишет о «возможности путешествовать при помощи телеграфа» целую главу. Однако приблизиться к осуществлению задумок учёных и писателей-фантастов удалось лишь спустя полвека: исследователи смогли осуществить квантовую телепортацию. Объясняя сущность этого явления, автор начинает с рассказа о парадоксе Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс), который был сформулирован в период развития квантовой теории, в 1935 году. Альберт Эйнштейн, Борис Подольский и Натан Розен в своей работе под названием «Может ли квантово-механическое опи-

сание реальности быть полным?» вывели из квантовой теории, что если существует пара частиц (ЭПР-пара) с общим прошлым (например, они образовались при распаде другой частицы), то состояние первой частицы зависит от состояния второй, а их зависимость способна мгновенно проявляться на любом расстоянии. Впервые использовали свойства ЭПР-пар в 1993 году. Американский физик-теоретик Чарльз Беннет вместе со своими коллегами придумал, как перенести квантовое состояние объекта на другой квантовый объект с использованием ЭПР-пары. Такой способ впоследствии назвали квантовой телепортацией. Отмечается, что квантовая телепортация осуществляет перенос не самого объекта (частицы или атома), а только его квантового состояния. При этом неизвестно, когда учёные научатся переносить объекты макромира. [1]

На сайте «ПостНаука» принципиально иной способ представления информации. О квантовой телепортации рассказал глава лаборатории квантовых коммуникаций Российского квантового центра и кандидат физико-математических наук, Юрий Курочкин. Он так же, как и в предыдущей описанной научно-популярной статье, рассказал о сущности квантовой телепортации и о парадоксе Эйнштейна-Подольского-Розена, но основной акцент сделал на практическом применении данного феномена и результатах, достигнутых отечественными исследователями. Оказалось, что такую телепортацию используют в квантовой криптографии, которая позволяет передавать секретную информацию без возможности её перехвата посторонними источниками. [2]

Другая пользующаяся особой популярностью благодаря сериалу «Теория большого взрыва» тема — теория струн, исследованием которой занимался главный герой американского ситкома, гениальный физик-теоретик Калифорнийского технологического университета, Шелдон Купер. Эта тема нашла своё отражение в материале Ольги Фадеевой под названием «Теория струн для чайников», опубликованном на портале «Naked science». О популярности данной темы свидетельствует количество просмотров — материал заинтересовал 315 тысяч человек. Своё повествование о теории струн автор начинает с объяснения особенности квантовой механики и определяет её место в современной научной картине мира. В статье отмечается, что общая теория относительности (ОТО) находится в конфликте с квантовой механикой, следствием которого является отсутствие мира между макромиром и миром микроскопических объектов. Для решения этого конфликта, разрешить который, в частности, старался сам Альберт Эйнштейн, на помощь приходит теория струн. Автор утверждает, что теория струн — мечта всех физиков, которая позволила бы объединить ОТО и квантовую механику, а также стать фундаментальным физическим принципом. Исследователи выражают уверенность в том, что она может стать единым законом, который соединит в себе все разновидности энергии, частицы и фундаментальные взаимодействия, а выражаться это будет одной простой формулой. Отмечается, что теория струн способна объединить все четыре силы — гравитацию, сильное ядерное, электро-

магнитное и слабое взаимодействия. На данный момент наука представляет частицы в виде точек, а не струн — невероятно малых вибрирующих нитей энергии. В материале говорится, что некоторые исследователи считают теорию струн настоящим триумфом математической науки. Однако существует проблема — невозможность проверить её экспериментально. Вследствие этого исследователи задаются вопросом, к чему относится теория струн — к физике или философии? Единственным способом доказать эту теорию является подтверждение наличия других измерений пространства. Причём, для подтверждения теории струн необходимо не одно, а целых десять дополнительных измерений.

Вывод

Из анализа репрезентации квантовой физики в средствах массовой информации можно сделать вывод, что статьи соответствуют основным принципам научно-популярной журналистики.

Научная глубина в материалах сохраняется. Представленные темы осмыслены авторами научно-популярных произведений, а сами публикации доступны для широкой аудитории благодаря использованию характерных для научно-популярного подстиля троп, таких как метафоры, олицетворения и риторические вопросы. [6] Авторами приводятся примеры, иллюстрирующие отдельные научные положения и помогающие проецировать их на повседневную жизнь, а также используются сравнения для демонстрации отдельных свойств тех или иных научных явлений. Главными темами квантовой физики, репрезентированными в российском сегменте интернета, являются теория струн, квантовая телепортация и кот Шрёдингера. Из недостатков материалов стоит выделить отсутствие информации о достижении отечественной науки в представленных темах.

Литература:

1. Блинецова, А. Квантовая телепортация: туннель. // «Популярная механика» [Электронный ресурс] — URL: <https://www.popmech.ru/science/8714-kvantovaya-teleportatsiya-tunnel/> — (Дата обращения: 16.04.2018).
2. Курочкин, Ю. Квантовая телепортация. // «ПостНаука» [Электронный ресурс] — URL: <https://postnauka.ru/faq/66839> — (Дата обращения: 16.04.2018).
3. Микешина, Л. А. Репрезентация: частный метод или фундаментальная операция познания? // Эпистемология и философия науки. — 2007. — № 1 — С. 6.
4. Орлова, М. Кот Шрёдингера и его непростая судьба. // «Sciencepop» [Электронный ресурс] — URL: <https://sciencepop.ru/kuda-kota-shryodingera-zavela-ego-neprostay-sudba/> — (Дата обращения: 16.04.2018).
5. Фадеева, О. Теория струн для чайников // «Naked science» [Электронный ресурс] — URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/great-universe-symphony> — (Дата обращения: 16.04.2018).
6. Felt, U., Fochler M. Re-ordering Epistemic Living Spaces: On the Tacit Governance Effects of the Public Communication of Science // The Sciences» Media Connection-Communication to the Public and Its Repercussions / S. Rödder, M. Franzen, P. Weingart (eds.). Sociology of the Sciences. Yearbook 28. Dordrecht: Springer, 2012. P. 133–154.

Актуальность изучения прецедентного текста в белорусской периодике

Токарь Ольга Владимировна, кандидат технических наук, доцент
Белорусский государственный технологический университет (г. Минск)

В статье дается обоснование актуальности изучения прецедентных текстов в современной белорусской периодике. Сформулированы цели и задачи исследования, дан обзор наиболее значимых работ, определена научная значимость.

Ключевые слова: прецедентный текст, медиа-текст, периодическое издание, заголовок.

Средства массовой информации являются весомым орудием в распространении важной для общества информации, в формировании культурной компетенции граждан. Для эффективной передачи информации от автора к читателю, для влияния с ее помощью на социум необходимо обеспечение коммуникативного акта без рассогласования коммуникативных программ автора и читателя.

Один из приемов, к которому прибегают авторы и редакторы при подготовке статей, это формулировка заголовка, апеллирующего к прецедентным текстам, то есть к включению в заголовок такой последовательности знаковых единиц, которая предположительно широко известна в той или иной социальной среде и несет ценность для определенной культурной группы (поговорки, фразы из литературных произведений, кинофильмов и

др.). Обладая устойчивой воспроизводимой формой и большим смысловым потенциалом, прецедентный текст является одним из важных средств выразительности медийных текстов.

Научная идея проектов на данную тематику заключается в выявлении культурного кода современного общества на базе прецедентных текстов в медиа тексте и соответствия уровня прецедентной компетентности потенциальных читателей авторскому замыслу.

Для достижения цели необходимо выполнить следующие этапы, обусловленные задачами исследования:

- 1) изучение теоретического материала по теме;
- 2) анализ корпуса прецедентных текстов периодических изданий для выявления потенциального культурного опыта читателя;
- 3) оценка распознавания источника прецедентных текстов как маркер адекватного понимания замысла автора;
- 4) разработка перечня модификации прецедентных текстов и рекомендаций по их использованию в газетном дискурсе.

Для выполнения работы рекомендуется использовать общенаучные методы, а также приемы, способствующие анализу смыслового наполнения прецедентных единиц в конкретном употреблении, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ, количественный анализ и ассоциативный эксперимент.

Феномен заголовка является важным материалом гуманитарных исследований. Известны работы А. Кубановой, М.Ю. Доценко, А.В. Фатиной, А.С. Подчасова, Е.Н. Канаевой, И.В. Головиной, Н.В. Гусляковой, Т.Ю. Чигириной, С.В. Птушко, Н.В. Сабуровой, Е.А. Сандриковой, Ю.А. Беловой, О.П. Семенец и др. Основными подходами к изучению заголовка в этих работах выступают в основном синтаксический, функциональный, лингвосоциокультурный подходы.

Выявлению постсоветских текстовых реминисценций, их классификации и смысловых схем понимания адресатом заголовков с реминисценциями посвящена работа Т.Ю. Чигириной «Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии» [1]. Автор на материале заголовков газет изучает тенденции бытования прецедентных текстов в советских и постсоветских газетах 1975 и 2003 гг., сопоставляет их по функционированию с учетом социальных, политических, культурных особенностей, чтобы определить изменения в формах передачи чужих высказываний. Автором проанализировано около 2000 номеров газет «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Правда», «Коммуна». Изложено описание заголовков с текстовыми реминисценциями, частотность использования, представлена классификация данных заголовков (квазичитация, упоминание, цитация, аллюзия).

Динамические изменения способов бытования прецедентных текстов в газете «Известия» 50–90-х гг. XX в. представлены в работе О.П. Семенец [2]. Объектом изучения выступают динамические изменения в заголовке с интертекстом, как отражающие картину мира читателей

во второй половине XX века. Изучено около 5000 заголовков газет «Известия», «Комсомольская правда», «Советская Россия» за 1957, 1967, 1977, 1987 и 1997 гг. Для прецедентного текста автором выявлено несколько типов актуализации: формальная, когнитивная, прагматическая.

Аналитическое рассмотрение существующих классификаций заголовков отражено в исследовании Ю.А. Беловой «Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов» [3]. Автором предложены стратегии интерпретации смысла газетного заголовка на материалах изданий «The Times», «The Financial Times», «The Guardian», «The Observer», «The Independent» за период 2004–2008 гг. Доказано, что газетный заголовок является особой категории медиа дискурса и медиа текста.

Эти работы наиболее интересны для изучения именно прецедентных текстов в заголовке. Однако данные исследования либо лишь частично касаются прецедентных текстов, либо изучают их бытование в прошлом, а кроме того они выполнены на базе материалов российской и советской периодики. Для научного результата это значимо, так как, несмотря на общее информационное пространство Беларуси и России, процессы в социально-культурной области в Беларуси имеют свою специфику, что может отражаться и в составе прецедентных феноменов, репрезентирующих культурно значимые тексты. Для российских специалистов данный подход может быть интересен тем, что позволит выявить включение в культурно значимые тексты соседней страны образцов русской культуры, их модификацию с учетом белорусских реалий, например, сочетание с образцами белорусской литературы.

В Беларуси различными аспектами соотношения одного текста с другим занимались ученые В. Ивченков, М. Тикоцкий, А. Супрун, В. Рагойша, Т. Дасаева, С. Кураш, А. Патоцкий, А. Романовская, А. Селезнев, С. Зеленко и др. Однако их исследования либо частично посвящены прецедентным текстам в заголовках, либо рассматривают его бытование в газетном дискурсе в 90-е и 2000-е гг.

В рамках выбранной проблемы особо следует отметить работу «Интертекст в публицистической речи» С.В. Зеленко [4]. Автор рассматривает сущность интертекстуальности в журналистской деятельности, начиная с причин ее появления. классифицирует интертекстуальные приемы, дает трактовку феномена прецедентных текстов в дискурсе белорусских СМИ.

Большую практическую ценность представляет список модификаций прецедентных текстов газеты «СБ — Беларусь сегодня» за 2000–2009 гг., приведенный С.В. Зеленко. Данный список показывает какие именно прецедентные тексты задействуют журналисты, частотность их использования, виды их трансформации в заголовке. Например, достаточно распространена фраза «Служенье муз не терпит суеты», трансформирующееся в журналистском тексте в «Закон не терпит суеты», «Театр не любит суеты», «Казна не терпит пу-

стоты», «Гламур не терпит пустоты» и даже «Пространство, не терпящее пустоты».

Изучение различных исследований, а также предварительно собранные данные показывают, что в газетных заголовках журналисты активно цитируют советское кино, русскую классическую и советскую литературу, определяя ее тем самым как элементы культурного кода граждан Беларуси [5]. Попытка выяснить являются ли выбранные журналистами фразы прецедентными текстами для молодежи показала, что высокую степень узнаваемости имеют пословицы, не всегда хорошо идентифицируются молодежью цитаты из классической художественной литературы или кино советского периода [5].

Изучение прецедентного текста в заголовках статей белорусских периодических изданий, базирующееся на разработках как российских, так и белорусских ученых, внесет свой вклад в установление корпуса прецедентных текстов заголовка медийного текста уже в данном десятилетии XXI века, а также будет способствовать определению культурных компетенций авторов публикаций и читателей в Республике Беларусь.

Разнообразие исследований в области газетного заголовка (в том числе и с учетом прецедентных текстов в нем) говорит о важности его как объекта исследования, о несомненной актуальности этой темы сегодня.

Поиск ярких способов выгодной подачи печатного материала дает возможность для различных языковых и стиливых экспериментов, поэтому тема работы доста-

точно актуальна как для авторов газетных материалов, так и для работников издательской отрасли. Бытование прецедентных текстов в заголовках современных белорусских газетных изданий — область, требующая регулярного мониторинга, что позволит регулировать эффективность обмена информацией между журналистами и читателями, что в высококоразвитом информационном обществе достаточно актуально.

Исследование эффективности прецедентного текста в медийных текстах позволит сформировать рекомендации по его использованию в газетном заголовке, выявить корпус прецедентных текстов и сформировать перечень их модификаций (на примере современного медийного издания). Будет способствовать развитию теоретического уровня исследования функционирования прецедентных текстов в целом и в газетном дискурсе в частности, а так же определению культурных компетенций авторов публикаций и читателей.

Результаты исследования могут быть полезны журналистам, блоггерам, редакторам и авторам, желающим повысить свой профессиональный уровень.

Разработанные рекомендации по использованию прецедентных текстов в медийном тексте и перечень модификаций прецедентных текстов позволят избежать штампов при подготовке публикаций, отражающих социально значимую для общества информацию, улучшить качество коммуникативного процесса между автором и читателем.

Литература:

1. Чигирина, Т. Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии: автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Ю. Чигирина — ВГУ: Воронеж, 2007. — 19 с.
2. Семенец О. П.. Прецедентный текст в языке газеты (Динамика дискурса 50–90-х годов): автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.01 / О. П. Семенец. — СПб.: РГПУ, 2004. — 16 с.
3. Белова, Ю. А. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. А. Белова. — Уфа: БашГУ, 2009. — 23 с.
4. Зелянко, С. В. Інтэртэкст у публіцыстычным маўленні / С. В. Зелянко; навук. рэд. В. І. Іўчанкаў. — Мінск: БДУ, 2012. — 195 с.
5. Токарь, О. В. Определение прецедентных текстов в газетных заголовках / О. В. Токарь // Скориновские чтения 2016: книга как феномен культуры, искусства, технологии: материалы II Международного форума. — Минск: БГТУ, 2016. — с. 77–82.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода

Борщевский Иван Сергеевич, преподаватель
Школа аудиовизуального перевода (г. Москва)

С принятием в Российской Федерации закона, обязывающего кинопроизводителей снабжать фильмы, получающие господдержку, тифлокомментарием, возник вопрос подготовки специалистов в этой области. Однако существующий терминологический барьер между российской и международной практикой аудиодескрипции (тифлокомментирования) во многом затрудняет обмен опытом между специалистами. В статье кратко рассмотрены этапы развития аудиодескрипции и термины, которые использовались для обозначения процесса словесного описания аудиовизуальных произведений. Дается анализ аудиодескрипции как вида межсемиотического перевода. Показана эволюция российского термина «тифлокомментирование» и его сближение с международными аналогами.

Ключевые слова: аудиодескрипция, тифлокомментирование, тифлокомментарий, межсемиотический перевод, интерсемиотический перевод, доступная среда

Введение

С принятием в России Федерального закона от 28.03.2017 № 34-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации», национальные фильмы, получающие господдержку на производство или прокат, подлежат обязательному субтитрованию и тифлокомментированию [1].

В связи с этим остро встает вопрос подготовки специалистов в этой области. В то же время существует несоответствие российской и мировой терминологии в этой сфере, что не позволяет российским специалистам знакомиться с мировым опытом.

В зарубежной литературе процесс словесного описания называется «аудиодескрипцией» (audio description, «аудиоописание»), «видео с описанием» (described video) или просто «описанием». В Российской Федерации принят термин «тифлокомментирование», который, по определению его изобретателя, обозначает «лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны слепому (слабовидящему) без специальных словесных пояснений» (С.Н. Ваньшин) [2]. Это слово образовано от греческого *typhlos* — «слепой» и латинского *commentarius* — «заметки, толкование».

История аудиодескрипции

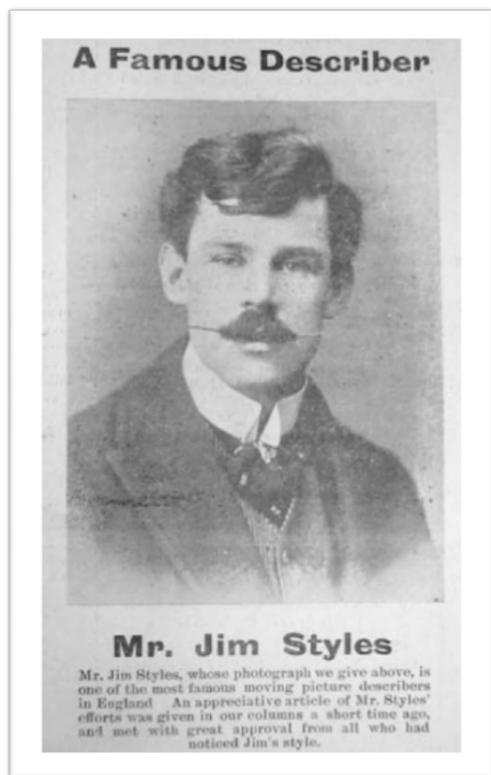
По мнению одного из пионеров аудиодескрипции Джоэла Снайдера, она возникла в зрячей среде, когда пещерный человек крикнул своему собрату: «Справа сзади тебя саблезубый тигр!» [3]. И, конечно же, сколько существуют незрячие, столько же времени люди старались помочь им, описывая окружающий мир. Ещё библей-

ский персонаж Иов (XV в. до н. э.) говорил: «Я был глазами слепому». (Книга Иова 29:15)

Одним из предшественников аудиодескрипции можно назвать «экфрасис» [3] (др.-греч. *ἔκφρασις* от *ἔκφραζω* — высказываю, выражаю) — описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте. Классическими античными образцами являются «Картины» Старшего и Младшего Филостратов и «Экфрасисы» Каллистрата.

Другие предшественники аудиодескрипторов — «кинолекторы», которые появились в эпоху немого кино. Первые киноленты были очень короткими, во время сеансов возникали паузы, необходимые для перезарядки проекторов. Прокатчики начали заполнять перерывы выступлениями лекторов, которые занимали зрителя популярной, а иногда и научной информацией о технологии кино, его значении. Позже на них стали возлагать перевод интертитров, а также описание фильмов. Во Франции таких специалистов называли *bonimenteur* («зазывала»). В Великобритании посчитали, что представителям такой благородной профессии не подобает называться балаганным именем «зазывала», поэтому там они именовались *lecturer* («лектор»). В Персии до 1925 года, до появления титров на фарси, немые фильмы сопровождалась речевым комментарием, который произносил мужчина или женщина, сидящие в зале кинотеатра: их звали просто «переводчиками» (*لم اچى دى*).

Некоторые «кинолекторы» стали очень популярны. Один из них, Стивен Буш (W. Stephen Bush), даже писал статьи с рекомендациями коллегам по цеху, которые сильно напоминают современные рекомендации по аудиодескрипции [4].

Фотография британского «известного дескриптора» Джеймса Стайлза в журнале *The World's Fair* за 1910 год

Объявление о кинопоказе с «лекциями» Стивена Буша, журнал *The Moving Picture World*, 1908 год

Но наибольшего мастерства достигли «кинолекторы» из Японии — кацудо-бэнси (яп. 活動弁士, «болтун») или просто бэнси. Культура и быт Европы, откуда в Японию поступали первые картины, были неизвестны и непонятны местному зрителю. Жесты и мимика европейцев в корне отличались от японских традиций: если у первых, например, проявлением любовной страсти во время свидания были пылкие объятия, то у вторых о взаимных чувствах свидетельствовало стыдливое отворачивание друг от друга. Все это нужно донести до зрителей, чтобы избежать непонимания или даже комического эффекта. Постепенно, в стремлении к максимальной натуралистичности, формировались традиции жанра. Бэнси стали интонировать голосом в зависимости от амплуа героя, действия которого они объясняли: для злодеев использовался бас, для героев-любовников — тенор, для героинь — фальцет. В связи с этим роль и статус кацубэнсов более и более повышался: они становились актёрами-декламаторами, достигающим иногда высшей степени выразительности. Советский военный разведчик, мастер боевых искусств и изобретатель самбо Василий Ощепков в совершенстве овладел искусством бэнси и работал в этом качестве как в Японии, так и в Советской России [5].

Выпускаемые в СССР «звукофильмы» — грампластинки с записью звуковой дорожки фильма с дополнительным комментарием для незрячих — стали следующим этапом в развитии аудиодескрипции.

Однако официальным годом рождения аудиодескрипции считается 1973 год, когда американский про-

фессор Грегори Фрейзер пошёл в кино с незрячей подругой и во время сеанса пересказывал ей содержание фильма. После этого он основал компанию, занимающуюся словесным описанием.

Первый в СССР фильм с аудиодескрипцией (голливудская историческая драма «Клеопатра») был показан в московском кинотеатре «Буревестник» в 1978 году.

Первым опубликованным пособием по аудиодескрипции в нашей стране можно считать книгу «Слепой ребёнок в семье» [6]. В этой книге для родителей давались советы, как описывать кино, спектакли и музейные выставки слепому ребёнку.

В 2000-е годы интерес к аудиодескрипции снова возрос. В институте «Реакомп» была разработана концепция словесного описания для незрячих, и был введен новый термин, «тифлокомментирование»

Перевод и его виды

Хотя, согласно словарному определению, перевод — это, в основном, «передача информации, содержащейся в данном произведении речи средствами другого языка» [8], лингвисты выделяют несколько его разновидностей. Выдающийся советский (а впоследствии — американский) лингвист Роман Осипович Якобсон предложил следующую классификацию:

«Мы различаем три способа интерпретации вербального знака: он может быть переведен в другие знаки того же языка, на другой язык, или же в другую, невербальную систему символов. Этим трем видам перевода можно дать следующие названия:

- 1) Внутриязыковой перевод, или переименование — интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка.
- 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка.
- 3) Межсемиотический перевод, или трансмутация, — интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем». [7]

В последнее время определение третьего вида перевода (межсемиотического, или интерсемиотического) несколько расширилось и под ним понимают не только перевод вербальных знаков в невербальные, но и обратный процесс [10].

Именно к интерсемиотическому виду перевода относят и аудиодескрипцию, причем некоторые авторы полагают, что аудиодескриптор (тифлокомментатор) может лучше справиться с задачей, если он учитывает в своей работе этот факт [10].

Аудиодескрипция как вид интерсемиотического перевода

Согласно определению, которое дает Pujol [10], ссылаясь на работу Р. Якобсона [111], аудиодескрипция — это «форма повествования, основанная на принципах интерсемиотического перевода с фатическими и поэтическими элементами», поскольку, во-первых, аудиодескрипция выполняет «функцию поддержания контакта (фатическую функцию, внушая слепому зрителю уверенность, что он не пропускает ничего важного)», а также «выражает словами красоту образа (поэтическая функция, позволяющая компенсировать словами эстетическое наслаждение от созерцания образа)» [10].

Аудиовизуальное произведение представляет собой полисемиотичный продукт, состоящий как из визуальных, так и из звуковых элементов. При составлении аудиодескрипции всё это многообразие необходимо перевести в моносемиотический текст. Таким образом, количество семиотических систем в «исходном языке» и «языке перевода» отличается значительно, что позволяет некоторым авторам называть аудиодескрипцию «гипосемиотическим переводом» (*hyposemiotic translation*) [13].

Кроме того, аудиодескрипция не позволяет с абсолютной точностью перевести с «исходного языка» (образы) на «язык перевода» (слова), поэтому некоторые специалисты называют её также термином «*inspirational translation*» [12]. Точного русского эквивалента этого термина пока не существует: его можно условно назвать «переводом под вдохновением», при котором результат перевода передает оригинал «в несколько свободной форме и менее предсказуемо, чем при обычном переводе» [12, 13].

Таким образом, аудиодескрипция — это разновидность перевода для особенной категории зрителей (целевой аудитории) — лиц с нарушениями зрения, слепых и слабовидящих, — с особой целью — передать содержание аудиовизуального произведения, которое было бы иначе недоступно для этой категории зрителей [12]. Как и любой перевод, аудиодескрипция должна быть

максимально понятна для целевой аудитории. В то же время, как разновидность аудиовизуального перевода, аудиодескрипция должна следовать «теории Скопоса». Если аудиодескриптор (тифлокомментатор) будет описывать абсолютно всё, что видит без выделения главного, то описание получится точным (поскольку описывает все элементы), но непонятным и неприемлемым с точки зрения конечного потребителя. Слишком подробное описание «размывает» сцену и запутывает аудиторию. В то же время, слишком краткое описание может привести к такому же результату. Поэтому аудиодескриптор должен ориентироваться на значимость информации, помогая зрителю следить за сюжетом.

Стоит также учитывать, что если изначально фильм снимался в другой стране, аудиодескриптор служит «посредником» не только между визуальными образами и людьми, которые их не видят, но и между двумя культурами. С практической точки зрения аудиодескриптор должен знать, «какую информацию необходимо добавить, изменить или убрать в процессе перевода» [14].

Однако принципиальным отличием концепции тифлокомментирования от аудиодескрипции является в том, что ее автор не считает тифлокомментирование видом перевода [15].

В связи с этим, некоторые специалисты вступают в научную полемику с российскими тифлокомментаторами. Например, М. Моцаж, ссылаясь на классификацию Р. Якобсона, пишет: «В рамках интерсемиотического перевода рассматривается аудиодескриптивный перевод, в котором рассказчик-аудиодескриптор словами описывает то, что зритель видит на экране. Таким образом, аудиодескрипция становится визуально-вербальным переводом. Поэтому считается уместным пользоваться также термином «тифлоперевод», или аудиодескриптивный киноперевод» [16].

Помимо этого, нарекания вызывает и сам термин «тифлокомментарий». Во-первых, один из главных принципов аудиодескрипции — беспристрастное словесное описание без личных интерпретаций и пояснений. В то же время, «слово «комментарий» содержит элемент толкования, нередко — критических наблюдений» [16]. Во-вторых, согласно последним данным, всё больше людей без инвалидности по зрению предпочитают смотреть фильмы с аудиодескрипцией [17]. Таким образом, словесное описание, подготовленное для этой аудитории, трудно назвать «тифлокомментарием» (ведь греческий корень «тифло-» обозначает «слепой»).

Таким образом, мы наблюдаем расхождение с мировой практикой, которое усугубляется намеренным вытеснением слова «аудиодескрипция» из русскоязычной научной литературы и медиа-пространства [15]. Это привело к тому, что некоторые специалисты не знают, как называется аналогичный процесс в других странах мира. В переводных статьях используются искусственные английские слова *typhlocomment*, *typhlocommentator* [18]. Это не позволяет русскоязычным специалистам знакомиться с мировым опытом, а также не позволяет зарубежным коллегам узнать богатую историю адаптации аудиовизуальных произведений для незрячих в нашей стране.

В 2017 году был введен в действие ГОСТ «Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения». В предисловии устанавливается связь между русскими терминами и их английским эквивалентом: «Термины «Тифлокомментирование» как процесс и «Тифлокомментарий» как результат этого процесса являются результатом перевода с английского языка базового понятия «Audio description» [19].

Определение тифлокомментирования, приведенное в этом документе и утвержденное в качестве стандарта, отличается от «канонического» [2]. Согласно ГОСТу, это «творческий процесс речевого описания визуальной ин-

формации с учетом психологических особенностей и потребностей инвалидов по зрению, позволяющий им воспринимать визуальную информацию, не доступную для них» [19]. В этом определении появляется слово «творческий», что сближает его с термином «inspirational translation», который мы обсудили выше.

Такая эволюция в определении позволяет надеяться, что со временем существующий терминологический барьер в области аудиодескрипции и тифлокомментирования будет устранен, что позволит повысить качество готового произведения.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.03.2017 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8 и 9 Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41790> (дата обращения: 20.11.2018)
2. Тифлокомментирование (аудиодескрипция) в России. URL: <http://www.rehacompr.ru/services/indevelopment/tiflocomment/> (дата обращения: 20.11.2018)
3. Снайдер Джозел. Из визуального в вербальное = The Visual Made Verbal [Текст]: Комплексное учебное пособие и руководство по применению аудио дескрипции; Свердлов. обл. спец. б-ка для слепых; пер. с англ. яз. ООО «Туриански & Вольфсон». — Екатеринбург, 2016
4. W. Stephen Bush. Lectures on Moving Pictures // The Moving Picture World, August 22, 1908
5. А. Куланов. Ощепков. — Москва: Молодая гвардия, 2017.
6. «Слепой ребёнок в семье» (Книга для родителей) / НИИ Дефектологии АПН СССР. Под ред. Л.И. Солнцевой. — М., 1989. — 57 с.
7. Р.О. Якобсон. О лингвистических аспектах перевода// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — с. 16–24.
8. О.С. Ахманова Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1966.
9. Е.Е. Бразговская. Вербализация музыки как межсемиотический перевод// Критика и семиотика. 2014/1. с. 30–47.
10. Pujol, Joaquim 2007. Audio description or Audio narration? That is the Question. Paper delivered at MuTra Conference 2007 in Vienna http://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php
11. Р.О. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М., 1975
12. Saveria Arma. The Language of Filmic Audio Description: a Corpus-Based Analysis of Adjectives. Dissertation. Napoli, 2011.
13. Gottlieb, Henrik 2005. Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics. In MuTra 2005 Conference Proceedings. http://www.euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_proceedings.html
14. Byrne, John 2006. The Multidimensional Challenges of Technical Translation. Paper presented at Mutra 2007 — LSP Scenarios: Conference Proceedings and currently in press for publication as Gerzymisch-Arbogast, Heidrun / Budin, Gerhard / Carroll, Mary (eds) The Multidimensional Challenges of Technical Translation. MuTra: Aspects of Multidimensional Translation.
15. Ваньшин, С. «Тифлоперевод» или «сурдокомментарий»? URL: http://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=107:lr-lr&catid=324&Itemid=277 (дата обращения: 20.11.2018)
16. Мария Моцаж. Аудиодескрипция, или тифлокомментирование, как жанр киноперевода URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25691763> (дата обращения: 20.11.2018)
17. Non disabled customers are using Netflix audio description. URL: <https://netflixproject.wordpress.com/2017/09/01/non-disabled-customers-are-using-netflix-audio-description/> (дата обращения: 20.11.2018)
18. A. Demchuk, V. Lytvyn. Choosing of typhlocommentator, description of subject in videocontent for sightless and visually impaired person. Econtechmod. an international quarterly journal — 2015, Vol. 4, No. 1, 25–29
19. ГОСТ Р 57891–2017 Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. URL: https://allgosts.ru/33/160/gost_r_57891-2017 (дата обращения: 20.11.2018)

Expressive-visual language tools

Imamaliyeva Gulnoza Ulugbekovna, teacher;
Yakubova Noira Iskhakovna, teacher;
Shoyimova Komila Ural kizi, student
Uzbek State University of World Languages (Tashkent)

Every speech is situational. Expressive speech is the answer to the situation conversation. It is to a certain extent involuntary. In the process of its man does not think about her own speech: she is a manifestation his inner state, his thoughts, feelings, features of his nervous system. Intonation own speech is born directly. WITH the transfer of someone else's written speech, while reading the work, liveliness, intonation correspondence appears in the situation of communication: the speech is «alien» should be a «assigned» reader, should become «its own». Reception this characterized by psychologists like this: «We must report our own thoughts, considering: that for the interlocutor, these messages are new and interesting. Then there will be an interest in communicating with both partners, and a speech will acquire an emotional focus, expressed in intonation». Is it possible to learn intonation that accurately reflects the content sayings? Psychologists answer this question in the negative: «This is the same the most that learn to cry, laugh, grieve, rejoice, etc. The intonation of speech in a certain life situation comes by itself, we use expressiveness in our speech in order to strengthen meaning of speech.

Logical stress is a special means of highlighting a word, used as an intonational counterposition or gain. The word with logical stress takes on the values not that, —It is exactly this not another, etc. Emphasis in a word with logical the stress is so strong that all the words behind him are the very end of the syntagma turn out to be unstressed. For example:

I, can read this text., I can read this text

Practically speaking each sentence can be so much options for logical stress, how many words in it. For example:

My»holiday starts to, morrow.

Logical stress is very important in oral speech. Calling his trump card expressiveness of oral speech, K.S. Stanislavsky said: «The stress is index finger, marking the most important word in a phrase or in tact! AT the selected word is hidden soul, inner essence, the main points of subtext». Stanislavsky attached great importance to logical stress in artistic speech: «The stress is love or evil, respectful or contemptuous, open or cunning, ambiguous, sarcastic stress syllable or word. This is the presentation of it, exactly on the tray < [39,218]. Accent symbolizes the top rhythmic scheme in which the syllables that make up the speech beat, ranked by degree of isolation. This scheme can be implemented as through the actual prosodic processes (ranking the duration and intensity of vowels) and through related qualitative vowel changes. Simultaneously, the combination of rhythmic word schemes with prosodic phrase structure. These processes in different languages are not the same, which is reflected in the classifications of phonetic types stresses.

Accents of the English and Russian types were traditionally considered dynamic or expiratory. It was assumed that the increased respiratory and articulation effort on stressed vowels is reflected in their increased acoustic intensity. However experimental L.V. Zlatoustov's data showed that more important acoustic parameter is duration, with stressed vowels characterizing neutral duration, and on unaccented reduction occurs, the result of which is incomplete articulation (quantitative and high-quality reduction).

There is another way of organizing the ratio of shock and unstressed syllables: the vowel of the stressed syllable is lengthened, while the unstressed retain neutral duration (the quality of vowels remains almost unchanged). These are languages with quantitative stress. As examples of this type of stress are usually given in modern Greek. In him unstressed are not subject to reduction and differ from shock only no increase in duration.

Functional means of speech. Traditionally, there is another type of stress — tonal. In Europe It is represented in the South Slavic (Serbo-Croatian and Slovenian) and Scandinavian (Swedish and Norwegian) languages. This type of stress is associated with special interaction of verbal and phrasal prosody. In most languages of the world the beginning of the tonal movement, realizing a phrasal accent, combined with the beginning of the stressed syllable. However, the occurrence of two landmarks for placing a tonal accent.

For example, in Serbian-Croatian language has shifted the stress by one syllable to the left (the so-called «retraction»), and at the place of stress the words with the former the stress on the second syllable coincided with those that had the initial native stress; the old orientation of the tonal accent of the phrase while preserved. Therefore, in words where stress is not shifted, the downward tone statements fall on the stressed vowel, and where it has shifted, falling of tone falls on the stressed syllable, while falling of tone often preceded by its increase. As a result, on the initial stressed syllable are opposed to descending and ascending tones.

For example, the words glory, power in the Serbo-Croatian have a descending stress, and the words leg, needle — ascending.

The peculiarity of the French language is the lack of phonetic words as a rhythmic component of a sentence. As the minimum rhythmic unit stands syntagma, and its prosodic peak is the final syllable. If syntagma is expressed in one word, then syntagmatic emphasis falls on its final syllable. However the word in non-finite position has no rhythmic scheme.

Languages also reveal significant differences in the distribution of gradations forces in the unstressed part of the word. In some languages, all unstressed syllables in equally opposed to the stressed one, although the edge syllables may have extra gain or attenuation.

In other languages, the principle of «dipody» operates: stronger and weaker syllables go through one, with gradual weakening of force with distance from the top. Such is the situation in the Finnish and Estonian languages: the main stress in them is on the first syllable, secondary — on the third, and the third-degree — on the fifth.

The situation in the Russian language is unusual: the pre-stressed syllable is powerful here inferior to the shock, but more than others.

There is another possibility to vary the prosodic word pattern with «dynamic» stress: different phonetic parameters can strengthen different positions in this scheme. So, in Turkic languages the accent peak of the word is the final syllable on which is placed intonation accent. However, there is also a center of side amplification — the initial syllable, which accounts for the thunder bone bone.

In many languages outside Europe, pronounced accent top of the word is missing, and scientists find it difficult to determine the place stresses. A typical example is Georgian, relatively rhythmic organization of which there is no single point of view. Exists the opinion that the assumption of the obligatory rhythmic association syllables of the word is false. [27,144] In his favor says, in particular, history of the Russian language. In Old Russian a significant number of forms full-valued words were the so-called «inclinomics». These words did not have their own emphasis and joined in the form An enclitic to the preceding full blown words.

It is necessary to distinguish logical stress from phrasal one. Sometimes these kinds of the stress is the same: the same word carries phrasal, and logical stress. The main words in the sentence stand out, in a tone of voice and expiration force they are highlighted, subordinating other words to themselves. This is «the extension of the voice and the power of exhalation words to the fore in a meaningful way and called logical by stress». In a simple sentence, as a rule, one logical stress, for example: From the end of August in the air begins to get cold.

If the logical stress is wrong, then the meaning of the whole phrase may be wrong too. Proper logical stress determined by the meaning of the whole work or its part (piece).

1. Logical stress is usually placed on nouns and sometimes on verbs in cases where the verb is the main logical word and usually stands at the end of a phrase or

when the name noun replaced by pronoun. For example: Gathered in the hall the viewers. The table was laid.

2. Logical stress cannot be placed on adjectives and pronouns. For example: Today is a frosty day. Thank you. You will excuse me.
3. When comparing, setting a logical stress to this rule is not submits to. For example: I like not blue, but green. To me like, not you.
4. When two nouns are combined, the stress always falls on the name genitive noun and answering questions whose? who? what For example: This is a manager's decree. (When you rearrange words like this same: This is a manager's decree).
5. The repetition of words, when each subsequent reinforces the meaning and meaning. previous, requires logical stress on every word with increasing gain. For example: But now that in me boils, cares, enrages.
6. Enumerations in all cases (as well as the account) require at each the word self stress. For example: I got up, washed, dressed and drank tea. A tank appeared in the clearing, followed by a second, third, fourth...
7. When combining copyright (or narrative) words with a straight speech, when in the text meet own words of any of actors, logical stress is preserved on the main word own speech. For example: — Yes, well, in my opinion, — through his teeth Timur. Mechanically apply these or other staging rules logical stress is impossible. You should always consider the content of the whole the work, his lead idea, the whole context, and the tasks that sets himself a reader, reading a work in this audience.

Languages detect and significant differences in the distribution of gradations of force in the unaccented part the words. In some languages, all unstressed syllables are equally contrasted with the percussive, although boundary syllables may have additional gain or attenuation. In other languages valid the principle of «dipody»: stronger and weaker syllables go through one, with gradual weakening of force with distance from the top. Such is the situation in the Finnish and Estonian languages: the main stress in them is on the first syllable, secondary — on the third, and the third-degree — on the fifth.

The situation in the Russian language is unusual: the pre-stressed syllable is powerful here. inferior to the shock, but more than others.

References:

1. Barkhudarov L. S. — Essays on the morphology of modern English language — M., 1975—285s.
2. Baskakov N. A. — Classification of Turkic languages in connection with historical periodization of their development and formation — M., 1957—291 c.
3. Bloomfield L. — Language — M., 1968—323s.
4. Blinov I. Ya. — Introduction to the study of modern Romance and Germanic languages — M., 1959—287s.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 3 (09) / 2018

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Ахметов И.Г.

Члены редакционной коллегии:

Арошидзе П.Л.

Брезгин В.С.

Велковска Г.Ц.

Желнова К.В.

Кучерявенко С.А.

Матроскина Т.В.

Яхина А.С.

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г.А.

Ответственный редактор: Осянина Е.И.

Художник: Шишков Е.А.

Верстка: Бурьянов П.Я.

Международный редакционный совет:

Айрян З.Г. (Армения)

Арошидзе П.Л. (Грузия)

Атаев З.В. (Россия)

Ахмеденов К.М. (Казахстан)

Бидова Б.Б. (Россия)

Борисов В.В. (Украина)

Велковска Г.Ц. (Болгария)

Гайич Т. (Сербия)

Данатаров А. (Туркменистан)

Данилов А.М. (Россия)

Демидов А.А. (Россия)

Досманбетова З.Р. (Казахстан)

Ешиев А.М. (Кыргызстан)

Жолдошев С.Т. (Кыргызстан)

Игиснинов Н.С. (Казахстан)

Кадыров К.Б. (Узбекистан)

Кайгородов И.Б. (Бразилия)

Каленский А.В. (Россия)

Козырева О.А. (Россия)

Колпак Е.П. (Россия)

Кошербаева А.Н. (Казахстан)

Курпаяниди К.И. (Узбекистан)

Куташов В.А. (Россия)

Кыят Э.Л. (Турция)

Лю Цзюань (Китай)

Малес Л.В. (Украина)

Нагервадзе М.А. (Грузия)

Прокопьев Н.Я. (Россия)

Прокофьева М.А. (Казахстан)

Рахматуллин Р.Ю. (Россия)

Ребезов М.Б. (Россия)

Сорока Ю.Г. (Украина)

Узаков Г.Н. (Узбекистан)

Федорова М.С. (Россия)

Хоналиев Н.Х. (Таджикистан)

Хоссейни А. (Иран)

Шарипов А.К. (Казахстан)

Шуклина Э.Н. (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2412-4028

Подписано в печать 5.01.2019. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25